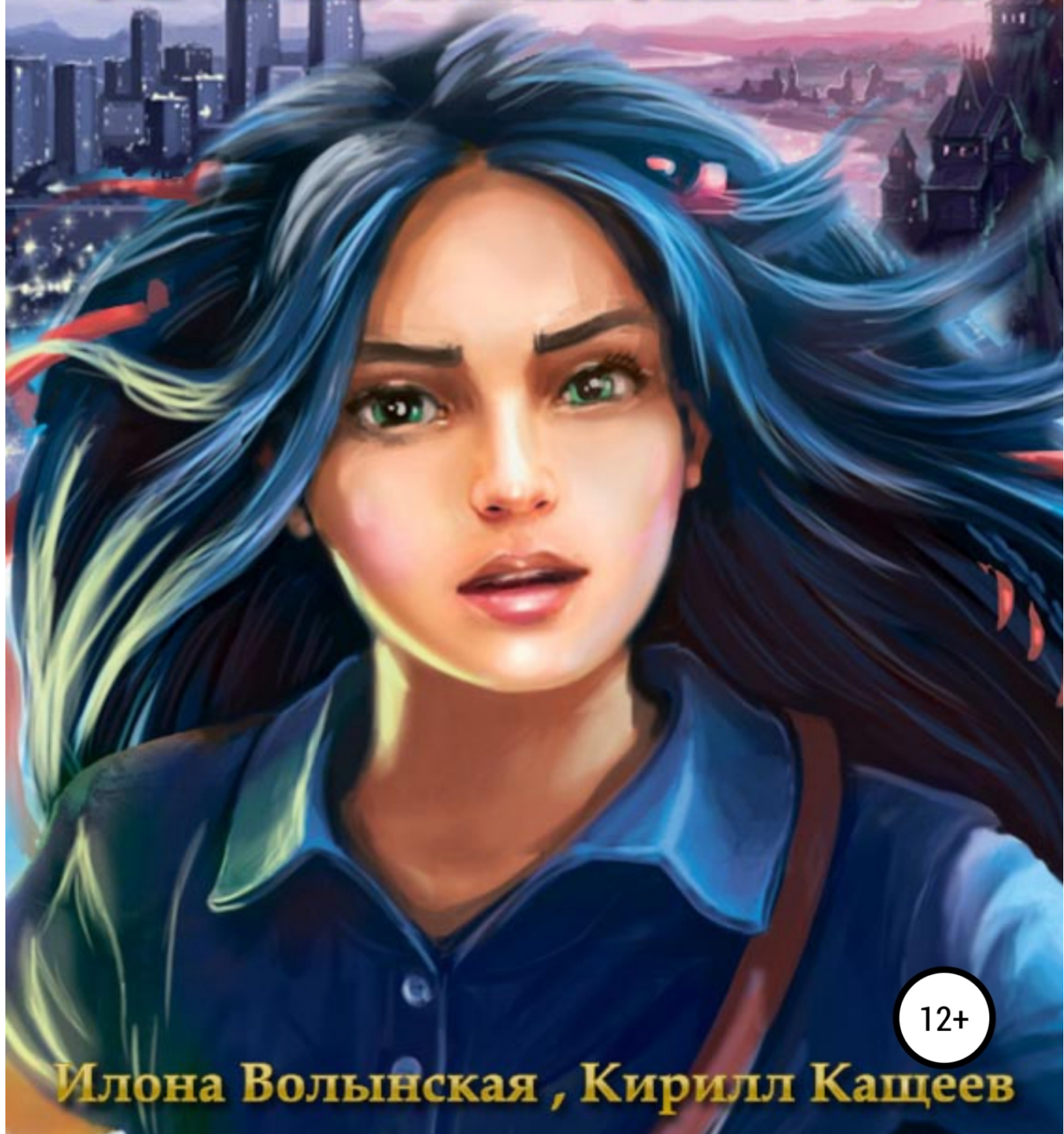

Ирка Хортица и компания

12+

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Ирка Хортица – суперведьма

Кирилл Кащеев

Ирка Хортица и компания

«Автор»

2018

Кащеев К.

Ирка Хортица и компания / К. Кащеев — «Автор»,
2018 — (Ирка Хортица – суперведьма)

Эй, оглянись! Дракон идет по соседней улице! Эта компания знает, что в другой мир не обязательно ПОПАДАТЬ. Туда можно съездить в командировку или сбежать на свидание. Дракон не станет устраивать ОТБОР невест – зачем, когда можно жениться и на этой, и на той. Обучение настоящей ведьмы АКАДЕМИЯМ неподвластно – это дело семейное, интимное, особенно если ведьма еще и комсомолка. В этой компании людей и нелюдей вечно случаются истории. С чего началась история любви ведьмы и дракона? Сможет ли оборотень в погонах найти убийцу, если тот - вовсе не человек? И зачем ведьме – самолет? Затем, что коза – не железная, неужто непонятно!

© Кащеев К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

По Слову моему	5
До царя Гороха	23
Как на Велесовой на улице...	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Илона Волынская, Кирилл Кащеев

Ирка Хортица и компания

По Слову моему

– Ищщи-и-и-и...

Протяжный вздох волной покатылся по неоглядному травяному морю. Воздух наполнился гудением – рой крохотных существ взвился над травами невесомой серебряной дымкой.

– Ищщи-и-и-и...

Черный смерч вынырнул из-за горизонта и полетел над равниной, разрезая полотна лунного света. Смерч неся к Большой Воде, перемалывая парящее над степью невесомое серебро, и оставляя за собой черную полосу полегшей травы. И вдруг свернул, ринувшись к бредущему в траве стаду мамонтов.

– Аа-а-аргх! – смерч распался и вынырнувшее из него приземистое кривоногое существо с куцыми крыльями угрожающе зашипело, скаля клыкастую пасть.

– У-у-ургу-гуу! – старая мамонтиха вскинула хобот и яростное трубное гудение понеслось над равниной. Качнулись две громадные шерстяные горы – сыновья встали рядом с матерью и гудение их хоботов подхватило грозный напев. – У-у-у-у-гуууу! – задрали хоботы молодые мамонты и даже малыши, старательно раздувая пушистые бока, выдували свой вызов. Ноги, похожие на стволы деревьев, ударили в землю и стадо двинулось вперед.

Крылатая тварь угрожающе заверещала и плюнула – желто-зеленый плевок ляпнулся на густую шерсть, и медленно испарился, наполняя воздух запахом жженого волоса, перемешанного с вонью мертвячины и болота. Мамонты шли. Тварь попятилась перед надвигающимися на нее живыми горами, хрипло и зло каркнула и... шумно молотя крыльями, взвилась прямо из-под нависшей над ней гигантской тени. Закружилась, скандально вереща над ухом у невозмутимо бредущей мамонтихи. Удар хобота был стремителен, как бросок змеи. Тварь ухватили за крыло... и с размаху шмякнули об землю. Та пронзительно заверещала и канула в высокую траву как в воду. Стадо неспешно двинулось дальше.

Над качающейся травой, загребая одним крылом, медленно поднялась тварь. Долго, но молча плевалась мамонтам вслед – там, где падали ее плевки, возникали черные вонючие островки выжженной травы. Наконец плюнула в последний раз, зашипела, и снова окуталась черным вихрем. Вихрь покатылся прочь, то и дело сплюсываясь, и выписывая замысловатые загогулины.

– Ищщи-и-и-и...

Высокие стебли раздвинулись, из травы поднялись закутанных в шкуры мужчины. Молодой охотник тесно свел брови: если так сделать, старые-картинки-в-голове становились ярче и словно бы не такими старыми:

– Макуша! – он ткнул вслед мамонтам каменным наконечником копья.

Вождь качнул головой – запрыгали по плечам вплетенные во всклокоченные волосы камушки, пестрые перья, яркие травинки:

– Меховая гора... – обронил он, не отрывая настороженного взгляда от уносящегося прочь смерча.

– У-у-у! – замотал головой молодой охотник. – Макуша! – и снова потыкал мамонтам вслед.

– Макуша. – терпеливо пояснил вождь и для наглядности скруглил руки перед грудью. – Меховая гора. – пальцами показал подобие бивней и помахал рукой как хоботом. Жалостливо поглядел на молодого, неспособного отличить девку от мамонта. Какой из него охотник?

За спиной у молодого давились смехом остальные.

– Вввррх! – молодой аж подпрыгнул от злости. – Макуша не давать бить мохнатую гору! Давно! – махнул рукой за спину, будто указывая нечто, оставшееся позади.

Теперь уже вождь посмотрел вслед бредущим мамонтам и не только сдвинул брови, но еще и почесал в волосах, заставляя старые-картинки-в-голове разгореться. Картинки появлялись плохо: давний мамонт заходил в живот, выходил из живота, чего ему в голове делать? Живот забурчал, напоминая, что вот тот мамонт в живот так и не зашел, и картинка-в-голове сразу стала яснее. Было. Давно: Макуша выпрыгнула на тропу и замахала руками, не давая толстому мамонту подойти к выкопанной в земле яме. Ту яму все охотники рыли, пока глядящий сверху Горячий Глаз не сменился Холодным. Вождь Макушу побил. Потом отвел Макушу к Ведающей, и та ее тоже побила. А не оставляя племя без еды. Потом Макуша отвела племя к большой деревянной колоде, полной белого-вкусного, какое течет из мамонтих, и все пили. Макушу били еще, но нового белого-вкусного не появилось и бить Макушу перестали – зачем, раз съестного от того не пребывает? Только Ведающая с тех пор как глядела на Макушу, сдвигала брови.

– Та меховая гора убежала. Нету. – вождь покачал головой. Зачем мамонт, которого давно нет? Они ловят Макушу.

Молодой закрутился на месте, не зная, как передать вождю то, что долбилось в его голову как птенец изнутри в скорлупу:

– Гора – убежала! Макуша – убежала!

Ну что непонятно? Была Макуша – убежал мамонт. Теперь убежала Макуша – а вон они, мамонты!

Вождь снова нахмурился...

– Ищщщииии! – взвыло над равниной, заставляя травы колыхаться, как под самым сильным ветром.

Вождь с криком схватился за виски – на голову будто мамонт наступил, только изнутри. Хлюпнул носом, подбирая кровавую струйку, и призывно взмахнув копьём, побежал в сторону, противоположную умчавшемуся вихрю. Молодой охотник вместе с остальными бежал следом: Ведающая злиться, надо искать! Про мамонтов он уже забыл.

Стадо добрело до Большой Воды. Высокие стебли недовольно зашелестели, когда мамонты вломились в осоку и сгрудились, погрузив хоботы в воду. Между стеблями вдруг начало медленно всплывать что-то округлое, темное... Громадный полый пень от выломанного Очень Большой и Страшной Водой дерева закачался на прибрежных волнах. Шерсть на боку старой мамонтихи зашевелилась... и в хлюпающую на дне полого пня воду полетел сшитый из шкур мешок, а следом соскользнула юркая человеческая фигурка в обмотанной вокруг тела скобленной шкуре. Один из мамонтов сунул хобот в пень и принялся высасывать воду. Пень всплыл еще больше, а стоящая на дне фигурка потянулась к старой мамонтихе и обняла ту за хобот обеими руками.

– Фррррр! – ласково выдохнула мамонтиха. – Фрр-фррррр!

«Дитя, вскормленное моим молоком... – говорила мамонтиха – ее слова почтительно слушал и мотал на кончик хобота каждый в стаде. – Дитя, спасшее и меня, и моих сыновей, и все стадо – куда теперь идешь ты? Оставайся с нами, мы сумеем защитить тебя.»

Крепкий кулачок отер зарезанное личико, покрытое разводами грязи, смешанной с кровью из многочисленными ссадин. Хотя даже под этой коркой можно было разглядеть пухлые губы, вздернутый нос и громадные зеленые глазищи с длинными ресницами – внутри полого пня стояла девчонка. Она еще раз обняла хобот и решительно помотала головой.

«Как знаешь». – шумно вздохнула мамонтиха и хоботом оттолкнула пень от берега. Скребя по дну корнями, пень неловко отплыл от берега. Еще толчок хобота, могучий мамонт размахнулся... Девчонка, сдавленно ойкнув, кувыркнулась на дно, а пень, вертясь и покачиваясь, медленно поплыл вдоль берега. Девчонка проводила уходящих мамонтов взглядом и усеялась на мокрый мешок, то поглядывая на берег, то запрокидывая голову к Большому Черному Пологу с рассыпанным по его полотнищу сверкающими камнями.

Пень сильно качнуло, будто на полошущие в воде корни навалилось что-то тяжелое... Он завалился на бок, чуть не ложась на воду – едва не вывалившаяся наружу девчонка отчаянно уперлась ногами в стенки из коры... Бледные ладошки с силой ухватились за стенки пня, и в отверстие заглянуло мерцающее, как лунная дорожка, и полупрозрачное, как вода, девичье личико. Зеленые пряди вились вокруг него будто колышущиеся под водой водоросли.

– Вижу тебя! – невнятно прогундела зеленоволосая сквозь зажатую в острых клыках рыбешку. Неподвижные круглые глаза уставились на прячущуюся в пне девчонку, а измазанные чешуей и бледной рыбьей кровью губки растянулись в жуткой улыбке. – Тебя по всей земле ищут? А ты на воде! – она сплюнула рыбешку, остренькое личико стремительно вытянулось – и зубы громадной шуки щелкнули над рухнувшей на дно полого пня девчонкой. И замерли, зажав между челюстями... лохматую заячью безрукавку. Щучья морда медленно втянулась, снова сменившись девичьим личиком.

– Мне? – недоверчиво спросила зеленоволосая. – Дай! Дай! – черные когти схватили пушистый мех и зеленоволосая пропала. Пень снова накренился, бьющаяся на дне рыбка дернулась и вывалилась наружу.

Девчонка осторожно выпрямилась, выглядывая сквозь отверстие. Свернув в кольцо раздвоенный хвост, зеленоволосая сидела на полошущихся в воде корнях и самозабвенно крутила в перепончатых руках безрукавку: когти пощелкивали по нашитым у ворота костяным бусинам, теребили бахрому из беличьих хвостов. Наконец с восторженным писком она натянула безрукавку и сиганула в воду, только раздвоенный хвост плеснул. Вынырнула позади пня – мех безрукавки был мокрым насквозь и обвис, часть бусин оторвалась, но восторга хвостатой это не уменьшило: поверх безрукавки теперь красовались бесчисленные низки из ракушек. Гордо выгнув хвост и выпятив грудь, она закачалась на воде, предлагая на себя полюбоваться. Выглядывающая из пня девчонка судорожно закивала головой.

– Чего хочешь взамен? – хвост звучно хлестнул по воде.

Девчонка молча указала рукой. Там, вдалеке, посреди Большой Воды, громоздилось что-то мрачное, грозное, в темноте похожее на громаду облаков.

– Нельзя! Запрет! – хвостатая метнулась в сторону – ее полупрозрачное личико исказил ужас. Девчонка молчала. Хвостатая подплыла обратно, искоса поглядела на девчонку, потеряла бахрому безрукавки. – Хочешь рыбки? А ракушку? – зашипела сквозь оскаленные клыки, когда девчонка покачала головой. Метнулась туда-сюда и наконец неохотно процедила. – До берега не повезу, только до прибоя. – девчонка кивнула, хвостатая зашипела снова, уперлась обеими руками в стенки пня и стремительно заработала хвостом. Взбивая корнями пену, пень рванул поперек Большой Воды к далекой темной громаде. Девчонка снова свалилась на дно и на всякий случай уперлась ногами в стенки.

– Сестрица! Сестрица-водяница! – разнесся над водой голосок, похожий на журчание воды в ручейке. Девчонка чуть не взвыла в своем убежище.

– А что ты тащишь? А зачем? – прожурчало совсем рядом, за стенкой пня и слышался скрежет, будто толстый чешуйчатый хвост потерся об кору. Пень качнуло и тут же раздался пронзительный визг. – А это у тебя что-что-что? Где взяла? Дай! Дай!

– Не дам! Мое! – завизжала в ответ хвостатая. Пень закружило, девчонку внутри перевернуло, чуть не поставив на голову. Громадный рыбий хвост поднялся над отверстием и с грохотом обрушился на пень. Едва успев вцепиться в мешок, девчонка вылетела в воду. Темная

вода захлестнула с головой, залила глаза, нос, раззявленный рот, девчонка отчаянно забила руками и ногами. Ее вдруг схватили за ворот и выдернули из воды. Вторая хвостатая, не с зелеными, а ржаво-бурыми волосами, прошла когтями по стянутым на плече шкурам.

– Дай! – взвизгнула эта вторая водяница. – Хочу-хочу-хочу! – вытянутые рыбы челюсти щелкнули у самого лица девчонки.

Над водой разнесся клекочущий вопль... и черный смерч сорвался с далекого берега, втянул в себя воду, и понесся по лунной дорожке прямо к полуутопленной-полузадушенной девчонке. Из сплошного кружения воды и ветра высунулась оскаленная клыкастая рожа, протянулись когтистые лапы...

– Куда лезешь? – заверещала водяница. – Я нашла! Мое! Пошло вон! – водяница отшвырнула девчонку... гам! – прыгнула и щучьей пастью вцепилась твари в рожу. Смерч рухнул, точно затянутый под воду, а тварь заорала.

Девчонка замолотила руками по воде... Волна, похожая на холку мамонта, пронеслась навстречу бегу Большой Воды, приподняла и поволокла к берегу. Девчонка успела оглянуться – водяница и тварь из смерча сцепились в неразрывный клубок: летели во все стороны ржаво-багровые патлы, молотили куцые крылья твари и от пронзительного визга обеих бурлила вода. Уносящая девчонку волна взвилась, здоровенный рыбий хвост наподдал под спину и девчонку швырнуло в пенную кромку прибоя.

– Отдарилась! – выкрикнула водяница в мокрой меховой безрукавке, взмывая в прыжке. – Больше не попадайся – съем! – и рухнула в воду, только раздвоенный хвост мелькнул.

Девчонка поднялась на четвереньки, отчаянно отплеываясь от водной пены, вскочила и что есть духу помчалась к нависающим над водой черно-багровым камням. Прыжок! Белкой она взметнулась на скальную стену, и быстро и ловко полезла наверх, цепляясь за выступы и ставя ногу в зазоры между камнями.

За спиной раздался пронзительный жалобный крик, и тут же победно взвыла тварь из смерча. Оглядываться девчонка не стала – она и так знала, что черный вихрь уже кружит на поверхности воды, вот он становится плотнее, выше, несется все быстрее... Уррррр-уррррр! – вихрь ринулся к прибрежной скале, на которой, словно приклеившись тощим животом к камням, распласталась девчонка. Рррррр! – утробно рыча, вихрь поднялся над водой... Девчонка отчаянно рванулась вверх и в один миг перемахнула скальный карниз. Вихрь с воем впечатался в камни.

Девчонка изо всех сил понеслась к возвышающейся невдалеке плотной стене деревьев – мешок из шкур подпрыгивал у нее на спине, точно подгоняя.

– Ауууууррррр! – черный смерч мчался следом, из его кружения потянулись шишковатые, похожие на сухие сучья лапы, и сомкнулись у девчонки на плече... Молча, без крика, та рванулась... кровь обильно хлестнула из располованного плеча. Девчонка упала на колени, вскочила, нырнула, уворачиваясь от щелкнувшей у нее над головой лапы – когти полоснули по мешку – и с разбега вломилась в высокие кусты, усыпанные круглыми сиреневыми венчиками. Черный вихрь ринулся за ней... и вдруг завис перед сплетением колючек, то взлетая, то опадая до самой земли и пронзительно визжа. Наконец сдался, и понесся обратно, сиганув с высокого скального берега вниз, на Большую Воду.

Девчонка раздвинула ветки, поглядела вслед твари, потом перевела внимательный взгляд на колючие кусты, и наскоро перетянув отодранным клочком шкуры разорванное плечо, двинулась вглубь леса. Затрещало. Девчонка метнулась за широкий древесный ствол, морщась от боли, сунула руку в мешок и принялась растирать что-то по рукам и лицу. Запыхтело... мимо протопали громадные медвежьи лапы – судя по этим лапам медведь в холке доставал до нижних ветвей деревьев. Лапы остановились... Раздалось сопение – медведь принюхивался. Девчонка скорчилась за стволом – между пальцев у нее сыпалась мелкая травяная труха. Медведь

громогласно чихнул – сухие иголки и старая листва шумно осыпались с деревьев – и потопал дальше. Девчонка выползла из-под кучи опавших иголок... и прижимая пропитанную кровью тряпку на плече, опрометью помчалась через лес. Нога скользнула на влажной листве... она кубарем покатила вниз по невысокому лесному склону... и выкатилась из-под прикрытия деревьев прямо на открытую небу круглую поляну.

На поляне колыхались под ветром ровные ряды налитых зерном колосков. А вокруг, точно собрались на танец, выстроились невысокие крепкие яблоньки. На самых хрупких и молоденьких висели обычные лесные яблоки: твердые, как камешки, и мелкие, размером с мужской ноготь. Зато на остальных... может, то была обманка лунного света, но яблоки были... просто огромными! С целый детский кулак! И такие призывно-зеленые, что рот сам собой наполнялся слюной!

Вокруг деревца с самыми крупными яблоками, полностью закрывая его своими огромными тушами, сидели чудовища: два крылатых змея с радужной чешуей и еще одно, похожее на степного пса, только огромное и с торчащими из лопаток рябыми крыльями. Чудовища медленно повернули огромные головы. Одно, переливающееся, словно цветная галька в роднике, кинуло в пасть полную горсть крупных зеленых яблок и принялось жевать, задумчиво глядя на скорчившееся у его лап тельце. Девчонка тихо охнула... и провалилась во тьму.

– Хлююююп... Хлююююп... – что-то влажное и шершавое прошло по коже.

– Ты ее сейчас как кусок соли слижешь. – насмешливо хмыкнул глубокий, очень красивый мужской голос.

– У нее кровь вкусная. – ответил второй, с раскатистой рычащей хрипотцой – и мокрое-шершавое снова прогулялось от пяток до кончика носа.

Кровь? Ее сейчас съедят! Девчонка замерла неподвижно – вдруг примут за дохлую? Вдруг они дохлятину не едят? Но предательская дрожь охватила тело, заставляя зубы мелко постукивать.

– Кажется, оно замерз-с-с-ло. – прошипел женский голос. – Разожги огонь, Кингу Велес.

– Воля Владычицы... – ответил глубокий мужской голос, что-то зашипело...

Огонь? Нет, только не огонь, не здесь! С хриплым криком девчонка взвилась на ноги и кинулась к покачивающимся под ночным ветерком колосьями, будто собираясь их обнять широко распахнутыми руками... Словно толстая змея обвилась вокруг ее щиколотки, ее дернуло и поволокло животом по траве, она повисла вниз головой... глядя в лицо черноволосой женщине. Или... и не женщине вовсе? Она совсем не походила на баб племени: разметавшиеся по узким плечам (как с такими-то коренья копать?) волосы смахивали на змей, лицо было резким и каким-то... острым, как каменный скребок, а глазищи огромные: в выгоревшей под Горячим Глазом степи сухой травой да пылью как дунет – не проморгаешься!

– Что это она? – с любопытством спросила женщина.

Девчонка покачивалась в воздухе, потом начала медленно вращаться... вокруг ее щиколоток и впрямь обвивался толстый змеиный хвост. Гибкий, сильный, покрытый радужной чешуей, он изгибался в траве... и заканчивался женскими бедрами.

– Эй, ты! – змеиный хвост встряхнул девчонку за ноги... а... второй змеиный хвост повернул ей голову так, чтоб женщине было лучше видно. – Тебя как зовут?

– Ты и впрямь надеешься услышать от зверька имя, Супруга моя и Владычица? – насмешки в глубоком красивом голосе прибавилось. – Я уже видел этих существ – обычные животные. У здешних водяниц хоть хвост есть, почти как у тебя, дорогая. И разговаривать с ними можно, хотя они изрядно приулитковаты... – за плечом у женщины появился... ОН! И уставился на раскачивающуюся в воздухе девчонку такими же громадными глазищами, прорезанными узким золотым зрачком.

В животе у девчонки стало тяжело и холодно, будто туда вошел наконечник каменного копья, а потом вдруг сразу горячо. Он был... он был... он был... Она и не знала, каким ОН был, она только хлопала глазами, как если бы глянула в Горячий Глаз! Это ночью-то!

– Выходит, смахивают на Мать нашу не только хвостом? – раскатисто расхохотался второй, появляясь за другим плечом женщины. Лохматый, всклокоченный, глаза раскосые, обычный, словом, хоть и с крыльями...

– Не дерзи! – второй хвост исчез и раздался сочный шлепок, как от подзатыльника, лохматый-крылатый покачулся и снова рычаще расхохотался.

– Макуша! – вдруг выпалила девчонка, не отрывая глаз от того, первого (у него волосы черные, а на лице ничего, и на груди шерсти нет, и на руках!) – Не зверек. Имя знает.

– А-ай! – хвост судорожно дернулся и Макуша отлетела прочь. – Оно разговаривает! – и женщина как по дереву скользнул по НЕМУ, обхватив ЕГО руками за плечи, а хвостами обвившись вокруг пояса.

Макуша вскочила, сжимая и разжимая кулаки – куда эта змея ручонки свои слабосильные тянет? Когтистые такие ручонки... И отблескивают... странно. Макуша шумно выдохнула и с трудом оторвав взгляд от НЕГО, обвела глазами поляну. И тут же позабыла обо всем, даже... даже о НЕМ. Она медленно опустилась на корточки, уткнулась лицом в колени и заплакала, не слушая голосов над головой.

– Плачет, видишь? – прошептала женщина, разжимая пальцы на шее темноволосого красавца. – Она не зверек.

– Лани плачут, Владычица. – возразил лохматый.

– И разговаривают?

– Все звери разговаривают! – искренне обиделся лохматый. – Надо только понимать об чем с ними говорить. Волку, к примеру, об меде не интересно, ему бы об мясе. А о мирах, да судьбах богов...

– Об этом уже никому не интересно! – резко оборвала его та, которую называли Владычицей. – Сейчас я хочу знать, почему плачет вот оно... она... Нет, еще раньше я хочу знать оно это или она! Эй ты, отвечай! А то по тебе не очень-то видно!

Обида пробилась даже сквозь владеющее Макушей отчаяние. Она оторвала зареванное лицо от коленей, бросила завистливо-пренебрежительный взгляд на Владычицу.

– Все понятно, оно самочка. – хмыкнула Владычица и самодовольно выпятила грудь.

– Девка я. – процедила Макуша и принялась оглядываться. – Шкура-то моя где? – нечего тут всяким змеюкам – сравнивать!

– Это не твоя, это оленья... Аррр, тут еще и волчья! – лохматый вертел в руках ее промокшую и изодранную рубаху.

– Моя! – Макуша вырвала шкуру у него из рук. – Я их сама скоблила! – она замоталась в шкуры, помогая себе зубами, стянула разорванные завязки на плече.

– Зачем она это делает? – Прижимаясь плечом к НЕМУ, прошептала женщина-змея, с любопытством глядя на Макушу.

– Мерзнет, наверное... – неуверенно ответил ОН.

– И натягивает на себя... чужую шкуру? – изумление в голосе лохматого было глубоким как Большая Вода. – Ей своей мало?

– Она у нее... какая-то драная. – разглядывая царапины на Макушиных плечах, хмыкнула женщина-змея.

– Ничего не драная! В шкурах все ходят! А у тебя живот во... как земля ровный! – Макуша для наглядности топнула пяткой по земле. – У нас в племени бабы есть, у которых брюхо, знаешь, как висит! – и с гордостью помахала руками чуть не у самых колен. Зажмурилась в ожидании удара – за такое не сама змеюка, так мужики ее враз прибьют! Ну и хорошо.

– Все... ходят? – переспросил ОН. – Любопытно...

Макуша приоткрыла один глаз. Нанесенную ею смертную обиду как и не заметили? Может, они слабые – иначе чего не бьют? Макуша с сомнением поглядела на НЕГО и... Ух-ху! Рот у нее изумленно приоткрылся. От его живота, словно проступая сквозь кожу, расплзалась чешуя: полоса синяя, как вода, желтая, как огонь, бурая, как земля, и почти прозрачная, как марево в жаркий день над Большой Водой. Чешуя покрыла грудь и захлестнулась на одном плече, точно как завязки Макушиной шкуры.

– На меня погляди! – подскочил лохматый – теперь его покрывал мех! Гладкий плотный собачий мех на человеческом теле – также сходящийся на одном плече! На одном – людская кожа, а на другом – мех... растет! Как на настоящем псе! Макуша попятилась.

– Совсем безголовые! Смотрите, как надо! – женщина изогнулась, так что черные, похожие на извивающихся змей, пряди мотнулись по земле, крутанулась на хвостах... Макуша ахнула и даже про страх позабыла, и что прибила бы змеюку, дай только способ. От хвостов и до подмышек, оставляя только человечески плечи, змеюку закрыла чешуя... но какая! Многоцветные чешуйки складывались в узоры, от которых глаз не отведешь! По бедрам ровненькие завитки голубой волны, на спине дерево, по рукам волки бегут, а на пупке, на пупке-то – мамонт!

– Красота! – восхитился лохматый.

– Ты прекрасна, как всегда, дорогая, и в то же время – как никогда! Ты – извечная тайна! – склонил голову к плечу ОН – глаза его смеялись.

– Ты всегда знаешь, что сказать, Змей мой и Супруг! – растроганно вздохнула змея и Большая Вода на ее груди вскипела волной и рассыпалась серебряной пеной. – Эй-эй, а ты, зверушка, прими руки! Уберите ее от меня! – отгоняя Макушу, будто одно из тех мелких-кусачих, что кровь пьют, Владычица поджала хвосты.

Макуша только рыкнула и вцепилась ей в ладошку – вот уж где и вовсе непонятное, даже на когтях чего-то! – и тут с высоты донеслось протяжное, торжествующее гудение: у-у-у-у! Будто неслось оно над вершинами деревьев... Макуша застыла, только и успев подумать: Ведающая племени, она ведь всегда так... отвлечешься, тут она и появится, да палкой по дурной башке, чтоб не держала в той башке лишнего, а работу сполняла – шкуры скребла, али мясо рубила. Вот и сейчас... Макуша подняла полные отчаяния глаза – туда, где мрак был еще гуще, словно что-то черное закрыло блестящие камешки на Черном Пологе... и метнулась к НЕМУ.

– Беги! – закричала она, толкая ЕГО обеими руками в чешуйчатую грудь. – Быстро беги!

– Дикая совсем зверушка! – хватая ее за запястья, пробормотал ОН.

Макуша рванулась – остальных-то двоих пусть едят, что ей, а ЕГО, ЕГО она спасет!

Черный вихрь, торжествующе завывая – нашел, поймал, заглочу! – рухнул с крон деревьев на поляну.

– Беги, дурной! – извиваясь в ЕГО хватке, завизжала Макуша. Гигантская тень накрыла Макушу – стремительно, как поднимающаяся волна, над ней вырастал... громадный крылатый змей! Распахнулась зубастая пасть... и навстречу черному вихрю ударила струя воздуха, холодная, как Большая Вода на глубине, острая, как кремниевый нож, тяжелая, как дубина. Черный кокон смерча разметало клочьями... и наземь плюхнулась прячущаяся внутри куцекрылая кривоногая тварь. Захлопала голыми веками, пуча глазищи на змея. Из пасти змея вырвалась струя огня. Пламя охватило поляну, затрещали в огне ветки яблок, вспыхнули колоски... Из горла Макуши вырвался пронзительный вопль, огонь лизнул кожу, затрещали, скручиваясь от жара, ее волосы...

– Кхе! Кхе-кхе-кхе! – огонь опал мгновенно, точно его и не было. Посреди поляны стояла закопченная, как головешка, тварь. Она еще разок сухо кашлянула, выперхивая из пасти золу. Повернулась. И на подгибающихся кривых ножонках заковыляла прочь. Змей топнул лапичей. Полянку потрянуло, как бабы шкуру трясут, когда блох вытряхивают, тварь пискнула... и шустро укатилась в лес.

Наступила тишина. Макуша снова плюхнулась наземь и в ужасе уставилась на возвышающегося над ней черноволосого мужчину.

– Это оно тебя подрало?

Макуша одновременно покивала... и тут же помотала головой.

– Ведающая послала... за мной... – не отрывая глаз от НЕГО Макуша отползала, оставляя за собой след на выгоревшей земле. – Она говорила: запрет... нельзя сюда ходить... страх большой... а я ходила... и никого... а теперь вы... вы и есть – страх! Ой большой страх! – она вскочила и кинулась бежать.

И снова вокруг ее ноги захлестнулась змея, ее уронили и поволокли обратно.

– Ты напугал ее, Кингу Велес! – укоризненно сказала женщина-змея. – А она, может, еще какие интересные штуки знает! – хвост подтянул Макушу поближе и усадил рядом с женщиной-змеей на единственном пятачке невыгоревшей травы.

– Не знаю! Ведающая знает, вождь звериные тропы, и Старый про камни! – доставало, чтобы Ведающая решила, будто Макуша на ее место у костра метит, уж она тогда... А что – тогда? Разве сделает она Макуше хуже, чем и без того собиралась?

– Ведающая, вождь и старый... – задумчиво повторила женщина-змея. – И кто же они такие? Как вы себя называете, зверушка?

– Я не зверушка! – огрызнулась Макуша и попыталась выпрямиться, совсем как Ведающая. – Мы – Великое Племя, что живет над Большой Водой, наши охотники самые сильные, а женщины – самые толстые, наши топоры острые, а копья летят дальше всех...

– Племя? Значит, они... племенники? Племяши? – задумалась женщина-змея.

– Кажется, их называют... человеками. Водяницы рассказывали... – неуверенно пробормотал ОН.

– Люди мы! – возмутилась Макуша. – Ведающая бы рассказала, а я столько слов не знаю.

– Чтобы правильно поведать о вашем величии? – хмыкнула змея и тут же остро глянула на Макушу. – От этой замечательной Ведающей ты и сбежала?

– Она сбежала от своей Владычицы? – крылатый пес опустил на поляну и принялся с чавканьем вылизывать слегка подпаленный хвост. Женщина-змея покосилась на него неодобрительно, он виновато прижал уши, но вылизываться не перестал.

– Она хочет тебя вернуть. – продолжила змея. – И на что ты ей? – окидывая Макушу не пренебрежительным, а скорее задумчивым взглядом, требовательно спросила она.

– Матери Сырой-Земле отдать. – просто ответила Макуша.

– Драконенка? – разом возмутились змея и ОН, потом переглянулись и он нерешительно предположил. – М-м... Человечёнка? Человечка? Как у вас маленьких называют?

– Я не маленькая! – возмутилась Макуша. Или они как Ведающая, считают, она мало работает? А она все делает! И все умеет! Даже больше других... Просто не про все рассказывает.

– Сколько же тебе лет? – усмехнулся ОН. И видя полное непонимание на лице Макуши, тяжело вздохнул. – Когда ты родилась? Появилась ты когда?

– А! – на лице Макуши отразился восторг, что она, наконец, поняла, и он перестанет на нее смотреть точно как Ведающая. – Ведающая говорит: когда Большая Вода рогача сперва проглотила, а потом у самого нашего стойбища выплюнула! А тут еще и я! Рогача всем племенем ели!

– Хорошо хоть не перепутали... кого есть. – безнадежно пробормотал ОН.

– Ей лет двенадцать-тринадцать. По здешнему счету. – вмешалась двуххвостая змея.

Макуша поглядела на нее недоуменно.

– Молодых в жертву – оно и лучше. Что со старика Силы? – уверенно вмешался крылатый пес. – Ты ж тоже старую добычу не любишь, тебе молоденькое мясо подавай, верно, Кингу Велес, Первый из Змеев?

Какое у НЕГО длинное имя. ОН сам могучий, вот и имя такое же!

– А ты не желаешь, значит? – продолжал пес, теперь уже разглядывая девчонку с некоторым неодобрением.

– Она уже ту-что-меня-принесла отдала! Мою... мамку... – заторопилась объяснить Макуша. Она чувствовала себя виноватой: Ведающую не слушала, к Матери-Сырой-Земле не пошла, и теперь очень хотела, чтоб хоть кто-то ее понял, хоть вот чудища, даже если потом съедят! – Мамка зеленые-с-деревя приносить умела, во такие! – она показала свой кулак.

– Эти? – ОН сдернул плод с дерева и запустил в него зубы. Макуша дернулась... и вздохнула. ЕМУ – можно, да и что уж теперь...

– Ведающая сказала, мамку Матери-Сырой-Земле отдать, чтоб она много таких выпросила, а то как Ведающая с вождем, и Старым поедят, остальным мало остается. Мамку отдали, а зеленых-с-деревя совсем не стало. Они тут все остались. – загрустила Макуша. Тогда она и подумала, что Ведающая ведает не все. Хотя про чудищ вот знала... она снова покосилась на НЕГО. Он увлеченно жевал. Хорошие охотники всегда много едят.

– Понятно... – задумчиво протянула змея. – Ваша эта... Ведающая, принесла твою мать в жертву ради урожая, но на самом деле вы больше не получили ни единого яблока, и ты усомнилась, такая ли уж она ведающая. Ведь на самом деле твоя мать нашла эти яблоки здесь, а другие из вашего племени сюда не ходят, Ведающая запретила, ведь тут «страх большой». – змея усмехнулась. – Но ты, как истинная дочь своей матери, все равно полезла, тоже нашла яблоки, и усомнилась в вашей Ведающей еще больше, ведь «большого страха» – нас с вами, мальчики – тут не было.

Голова у Макуши вертелась, как если бы она со склона кувырком катилась: змея знала так много слов! И все слова такие... Слова! Зеленые-с-деревя – яблоки... будто даже засветились во тьме, и на ветвях повисли тяжелее и заметнее, после того как им имя дали!

– Владычицы, как всегда, зрит в суть вещей. – ОН... Кингу Велес... склонил голову, так что черные с багровым пряди закрыли лицо. – Мудрость Владычицы неизмерима.

Какая еще мудрость у змеюки этой? Слов она знает много, но она же не Ведающая! Ведающая – всего одна!

– Не нашла я! И мамка не нашла! – выпалила Макуша, возмущенно глядя в круглые глазищи поганой змеюки. – Сделала их мамка!

Она не поняла, почему после этих слов все трое застыли, будто камни над Большой Водой, но ей все равно понравилось!

– Сделала? – повторила змеюка. Вот же ж непонятливая! – Как... сделала? Так? Или вот так?

Сперва на одной разрисованной чешуей ладони, потом на другой появилось по... яблоку! Огромных, какими никогда не бывали мамкины создания, и даже не зеленых, а красных, как Горячий Глаз перед тьмой! Макуша рванулась, схватила оба яблока, прижала к носу... И тут же с визгом отбросила первое.

– Что, червяк? – хмыкнул Кингу Велес.

– Там не может быть червяка. – змея глядела на Макушу с интересом, с какими дети смотрят на проделки белок на деревьях. – Оно ненастоящее, им не наешься. И другим «сделанное» яблоко быть не может. А второе выросло в Ирие, я просто перенесла его сюда.

Это самое второе Макуша обхватила обеими руками и уткнулась к нему носом, заворожено вдыхая аромат.

– Вы эти яблоки ели, значит, твоя мать переносила их из других мест? – напряженно подавшись вперед спросила змея.

– Мудрость Владычицы неизмерима... но предположить, что человечка могла каким-то образом таскать яблоки из Ирия... – Кингу Велес покачал головой. – Да и стала бы она развешивать их на деревьях? – он кивнул на уцелевшие плоды.

Вот так вот тебя, змеюка! Что ОН такое говорил, Мауша не поняла совсем, но что со змей ОН не согласился, совсем как Старый или вождь с Ведающей, она поняла.

– Сделала их мамка! Из вот этих! – Макуша указала на крайние деревья, с обычными мелкими лесными яблочками.

Все трое снова замерли, переводя взгляды с лесной мелочи на крепенькие крутобокие красавицы по соседству. Кингу Велес покрутил в руках огрызок уже съеденного яблока, сорвал дичку, куснул, скривился... У Макуши внутри аж тепло стало. Вот пусть теперь ОН и подумает, чья мудрость как это... незазм... неизм... мудренее!

– Это невозможно! – наконец твердо сказал он.

– Чего не можно? Вот Старый: берет камень, сыплет песок, льет воду, другим камнем трет – и выходит каменный топор!

– Зачем он все это делает? – искренне изумился Кингу Велес и подобрав на земле каменный обломок, сжал его в кулаке. Макуша хлопала глазами, как пойманная среди дня Ночная Птица. Обломок... менялся. Таял, словно белый холодный комок, сжатый в теплой людской ладони, только превращался не в воду, а... в маленький, как раз Макуше по руке, каменный топорик! Да ладный какой, такого Старому никогда не сделать. Макуша как зачарованная протянула пальцы, касаясь тонкого, будто кремневый скол, каменного лезвия.

– Аа-й! – и сунула пальцы в рот – из глубокого разреза капала кровь. Таких топоров не бывает!

– Наверное, потому, что этот Старый не может сделать топор как ты, Супруг мой Кингу Велес. – задумчиво сказала змея. Тот ответил ей недоуменным взглядом – и небрежно сунул топорик девчонке. Она замерла – яблоко в одной руке, топорик в другой.

– Так что с яблоками? – напомнила змея.

– Большие семечки посадить, а потом опять самые большие, и опять, и получится... – шевеля одними только губами, пробормотала Макуша. Шевелить чем еще она боялась, то и дело кидала на топорик испуганные взгляды – а как же его не бояться, если он сам режет!

– Не может быть! – повторил Кингу Велес.

– Я сама так делала! – забывая даже о страхе перед хищным топориком, возмутилась Макуша. – Только я колоски брала! – она махнула топориком на выгоревшую полянку, где еще недавно были колоски. – Не рви! – завопила она, когда Кингу Велес потянулся к последнему уцелевшему колосу. И вздохнула: чего уж теперь! – Они не готовые еще. Когда деревья желтеть начнут, тогда будут, а пока рано.

– Что скажешь, Симаргл?

Снова принявший людской облик пес уставился на колос, склонив голову к плечу, совсем как любопытный щен у входа в пещеру.

– Зерна почти как ирийские в эту пору... А здесь таких крупных не бывает! – уверенно объявил он.

– В Ирие и так все большое... Нужды нет... Они переделывают! – жутким свистящим шепотом выдохнула двуххвостая змея. – Эти существа... человеки... берут, что есть и... переделывают в то, что нужно им!

– Но я же пролетал над ними! Они охотились как все звери, а их самки... женщины... просто собирали, что растет! Семена, коренья, травы... – Кингу Велес глядел на Макушу уже не пренебрежительно, а скорее растерянно.

– Так отобрали же! Пришли: топоры – во! Копья – у-у-у! Сами чисто псы дикие – страшные! – Макуша замахала руками возле ушей, вывалила язык, скорчила рожу... – Охотников наших побили, и отобрали все, что насобирали!

Вот и ОН всего не знает, не только Ведающая или змеюка... Может, их и вовсе нет, таких Ведающих, чтоб все-все ведали?

– Кто – чисто псы? – Кингу Велес покосился на насупившегося лохматого. – Другие человеки... или как вы там говорите – люди?

– Разве ж люди на людей нападают? – надо бы обидеться, но Макуша посмотрела на него снисходительно: и вовсе ничего-то он не ведаёт! – Стал бы ты на своих нападать?

Кингу Велес помотал головой.

– Кажется, эти существа похожи на нас больше, чем я думал... А кто тогда?

– Так другие!

– Она имеет в виду другое племя. – едва сдерживая усмешку, пояснила змея.

А чего смеяться-то?

– Другие – они ж разве люди? Только наше племя – люди, а остальные-прочие, они даже не зверье какое! Зверя хоть съесть можно, а эти только сами жрут все, до чего дотянутся!

Кингу Велес глядел как-то странно, а Змея вдруг звонко захохотала.

– Да! Вот и пожрали, а чего не пожрали – потоптали, ничего не осталось, а холода скоро! – гневно стискивая кулаки, выпалила Макуша. – Вождь решил на мохнатые горы охотиться, а на мохнатые горы нам охотиться нельзя, мы их молоко пили, мы теперь их дети, и не получится охотиться, мохнатых гор мало, они не могут нам на прокорм даже самого маленького отдать. Старая мохнатая гора сказала – потопчут охотников.

– Верно, верно. – закивал головой, как его... Симаргл. – Когда много – старых или слабых можно на прокорм отдать. От того стадо только сильнее. А когда мало... – он помотал лохматой башкой.

– Мохнатые горы – это мамонты? – нервно переспросил Кингу Велес. – Они разговаривают с мамонтами?

– А что такого? Ты ж со мной разговариваешь, Первый Дракон?

– Охотников мало осталось, этих потопчут – все племя пропадет. Я больше всех съедобного приношу. – в голосе Макуши прозвучала гордость. – Меня Мать-Сыра-Земля любит, Ведающая велела меня ей отдать, чтоб я уговорила Мать-Сыру-Землю родить снова все, что у нас забрали.

Симаргл удивился – его косматые брови поднялись как трава после бури.

– Вот и я думаю, дурость Ведающая затеяла, как с мамкой моей. – согласно кивнула Макуша. – У Матери-Сырой-Земли все в свой срок, проси-не проси, не станет она заново ростки проклевывать, завязь пускать, плоды вызревать, да чтоб до холодов.

– Разумная самочка. – весело поглядел на нее Симаргл. – Поумнее этой их Ведающей.

– Девка я. – проворчала Макуша, но в животе стало приятно. Она и не знала, что и от слов бывает вот так, будто съела чего. Она покосилась на Кингу Велеса – слышал ли? – и торопливо прибавила. – Я еще и виноватая потом выйду, что не упростила!

– Не все ли тебе равно, если ты уже будешь... – Кингу Велес замешкался. – У Матери-Сырой-Земли?

– Наша Ведающая и там достанет! – вскинулась Макуша. – Сама никого не слушает, а потом сама же... – она вздохнула, не закончив. – Вот я и решила, что надо тут все забрать – и яблоки, и зерно! – и племени отнести. Каменными жерновами перетереть, с водой смешать... – голос ее опадал, будто угасающее пламя костра.

– От незрелого зерна животы заболят. – пробурчал Симаргл и все они снова огляделись по сторонам. На черное горелое пятно, оставшееся вместо колосков. И на яблони, где яблоки висели только на двух «дичках». На «сделанных» яблонях оставалось по несколько плодов, все остальные превратились в измочаленные клыками огрызки или вовсе исчезли в драконьих желудках.

– Здесь бы не хватило для целого племени на всю зиму! – вскричал Кингу Велес.

– Вряд ли девочка способна просчитывать так далеко. – с легкой насмешкой хмыкнула змея. Виноватой она себя не чувствовала – тут же сорвала еще одно яблоко и вгрызлась в него. – Не требуй слишком много от той, кого сам считал зверушкой.

– Я не зверушка. – Макуша подобрала свою котомку из шкур.

– Ты куда это? – глазищи змеи вдруг сузились, став похожими на щелочки.

– К Матери Сырой-Земле пойду. Уговаривать. Делать-то больше нечего. – кивнула Макуша, хотя в голосе ее звучало отчетливое сомнение. Еще и вернуться надо так, чтоб послушная Ведающей тварь по пути не перехватила да не приволокла обратно, будто это Ведающая Макушу поймала, а не Макуша сама пришла. Макуша подумала... и положила необыкновенный топорик на землю: куда ей такой острый, он же и котомку прорежет. – Я возьму? – стараясь не глядеть на змею, Макуша показала огромное яблоко, что пахло так сладко. Должна ж та понимать, что отдариваться надо.

– Возьми. Я твои яблоки ела. – кивнула змея. – Только что делать с ним станешь?

– Посажу... – обрадовалась Макуша и тут же сникла. – Может, расскажу кому, чтоб приберег, да как снега сойдут... – и замолкла, качая головой. Кому расскажет: Ведающей? Или вождю? Станут они слушать, они все лучше всех знают! А остальные позабудут, вот и пропадет змейское чудо-яблоко.

– Сажай здесь. – вдруг велела змея.

Макуша посмотрела на змею так, как та и заслуживала. Как на водяницу дурную.

– Не приживется. – обронила она. Понимающий лохматый согласно закивал.

– Конечно. – невозмутимо согласилась змея. – И Мать-Сыра-Земля не изменит свой порядок: ни ради твоей Ведающей, ни ради тебя, ни ради всего твоего племени...

Лохматый теперь согласно кивал уже на каждое ее слово...

– А вот ради Великого Крылатого Пса Симаргла...

Лохматый кивнул еще несколько раз... и вдруг замер, выпучив глаза, разинув рот и совершенно по собачьи вывалив язык.

– Владычица, ты... чего это? – он попятился.

– Сделаешь всего лишь то, что делаешь для растений Ирия. – в голосе змеи прозвучал непрекращаемый приказ.

– Не положено... – растерянно проскулил лохматый и вдруг уселся перед Макушей, склонив голову к плечу, и заворчал под нос, как ворчат большие псы, когда их детвора за хвосты дергает. – Разве ж можно земле не в свой черед родить? Придумают же такое – чтоб земля родила, когда их племени надо! Эдак они и до чего похлеще додумаются: чтоб вода к ним сама текла али огонь по их воле горел.

– Не преувеличивай. Они все же не драконы. – едва заметно усмехнулся Кингу Велес.

Макуша настороженно покосилась сперва на него, потом на лохматого: кремневое кремало лежало у нее в котомке и разжечь огонь она могла хоть сейчас.

Змея кончиком хвоста почесала Симаргла за ухом. Тот блаженно прижмурился.

– Уже додумались: яблоки переделывать и ячмень. Неужели тебе самому неинтересно, что она или дети ее придумать смогут? Иначе тебе новых растений или зверей не видать, я-то уже не сделаю, нет больше у меня такой Силы.

– Владычица всесильна. – пробурчал лохматый. Змея лишь улыбнулась ему и была в этой улыбке тоска обреченная, от которой у Макуши перехватило сердце: вот ведь, гадина какая, а тоже беды свои имеет!

– Чтоб они потом не решили, что так и надо – чуть что, весь мир под себя приспособливать. – все еще с сомнением буркнул Симаргл, продолжая разглядывать Макушу. – А, ладно, чего уж... – лохматый уже совсем другим взглядом, словно примериваясь, оглядел полянку. – Вода нужна!

Кингу Велес повел ресницами – а ресницы-то у НЕГО какие, у девок таких не бывает! – и Макуша с визгом подпрыгнула: у самых ее ног бил ключ.

– Не такой! – лохматый прикрикнул властно, будто хозяин. – Здешний порядок поломать хотите – Ирийская вода нужна!

Макуша увидела как жилы на лбу Кингу Велеса вздулись. Белые зубы впились в губу, брызнула кровь... Макуша схватилась за лоб, ощутив на нем что-то теплое... и ошеломленно уставилась на размазанную по пальцам кровь, темно-темно багровую, почти черную, как Большая Вода безлунной ночью и... украдкой оглядевшись, попробовала ее на язык. Вкус у той крови был не человеческий и не зверячий, а непонятно какой, но ей было все равно, ведь то – ЕГО кровь! И в этот миг ОН с длинным протяжным криком вскинул руки – и вместо малого родничка вверх ударил столб воды, синей-синей, и звенящей, будто птичья трель поутру! Девчонка взвизгнула – ее окатило с ног до головы, напрочь вымочив и толстую кожу на плечах. И замерла... почти с ужасом разглядывая свои пальцы, с которых стекали ярко-синие капли. Глубокий свежий разрез на них стремительно затягивался. Исчезали, сменяясь свежей розовой кожей пятна старых ожогов и... нарастал давным-давно сорванный ноготь! И у нее не болело – совсем ничего! Ни горевшее, будто огнем, плечо, ни набухшее колено, ни бок, в котором боль поселилась давно, словно там прятались неспешно перемалывающие нутро невидимые зубы... Чтоб у живого – и не болело!

– Сажай! – Шепнули ей прямо в ухо. – Яблоки сажай, колосок свой... И поливай! И сама пей, тебе понадобятся Силы, девочка!

И в этом голосе уже была Сила – такая необоримая, что Макуша рванула последний колосок и швырнула вылущенные зерна прямо на середину горелого пятна. А следом полетели яблоки: подаренное, выращенные и лесная дичка вперемешку. Макуша набрала чудесной воды в горсть, и полный рот набрала, и кинулась поливать все без разбору, разбрызгивая вокруг ярко-синие капли и сама глотая ледяную, до ломоты в зубах воду...

– Пшшш! – костер полыхнул перед ней, взмывая к темным небесам и стреляя искрами – и яркие искры мешались с синими брызгами воды. – Пшшшш! Пшшшшш! – костры вспыхивали один за другим, жар потек по полянке, изгоняя из костей застарелый холод и наполняя их сухой звонкой легкостью, будто взмахни руками – и полетишь!

– Туки-тук! – громадные когти вкрадчиво пристукнули по яблоневому стволу, Кингу Велес поморщился, пошел дальше и снова – туки-тук! Тук... тук-тук... постукивания участились... тук-тук-тук... Макуша вдруг поняла, что это не просто мерный стук, как дятел в дерево долбиться. Стук стал чаще, звонче, отчетливей: словно сердца стук... словно вода каплет... словно копыта диких коней бьются об пыльную степь... словно... словно...

Словно кровь взбесилась внутри и вся хлынула в голову, застучала в висках бешеным, яростным, ни на что не похожим ритмом!

*Энума элиш ла набу шамаму,
Шаплиш амматум шума ла закрат,
Абзу-ма решту зарушун,
Мумму Тиамат муваллидат гимришун
Мешуну истенис ихигума¹... -*

запел неведомое мужской, сильный – сильнее чем у всех охотников разом – самый прекрасный голос!

¹ Когда вверху не названо небо, А суша внизу была безымянна, Апсу первородный, всесотворитель, Праматерь Тиамат, что все породила. Воды свои воедино мешали... «Энума элиш» («Когда вверху») – вавилоно-аккадский эпос о сотворении мира, 2 тыс. до н.э. Перевод В.К. Шилейко.

– Шкряб-шкряб, шкряб-шкряб... – раздался громкий скрежет когтей... и громадный крылатый пес вступил в круг костров... и закружил, взрывая землю лапами и поднимая вихрь взмахами крыл. Когти взрезали землю, оставляя длинные широкие борозды, и земля заколыхалась, вздохнула, точно отвечая на прикосновения месящих ее лап. Черное пятно золы распахнулось как огромный жадный рот: и зерно, и яблоки посыпались в него, исчезая, будто их кто-то заглатывал. Земля принимала отданное... но ничего не собиралась возвращать до поры до времени, до положенного срока!

Рванулся и поник ритм безумного напева, безнадежно взмахнул крыльями громадный пес...

– Тиамат! – вдруг пронзительно, точно боевой клич, выкрикнула женщина-змея – и ринулась на середину поляны, и завертелась в неистовой пляске! И жутким гулом ответило ей пламя костров, взмывая вверх и кажется, облизывая своими языками полог Черного Шатра! Покачивался ее тонкий стан, как колос на ветру, и гнулась она до земли, метя волосами пыль, как яблоня под ветром. И изгибалось вместе с ней пламя! Ее змеиные хвосты извивались, лупя землю, и точно также вертелась струя синей воды.

– Таимат! – взревел Кингу Велес. – Тиамат! – зарычал пес.

На пальцах змееногой сверкнули когти – и она полоснула себя по тонким человеческим запястьям. Брызнула черная кровь... и она погрузила окровавленные когти в прорытые когтями пса борозды. Земля вскипела! Долгий протяжный то ли стон, то ли вздох прокатился над поляной, над лесом, над скалами и затих над Большой Водой. Земля под ногами качалась, как пень на волнах, то опускалась, то поднималась, будто шумно дышала. Женщина-змея потянула, разрывая грудь Земли когтями. Злой вопль вырвался из глубин, земля вокруг змеи закружилась в черном, хлюпающем водовороте и оттуда, выставив золотистые усики, будто кабаны щетинки, стали подниматься жесткие колоски... и тут же канули вниз, словно их кто оттуда дернул!

По колено увязшая в раскисшей земле Макуша заорала... и задергалась, отчаянно пытаясь повторить извивы змеиной пляски. Земля словно захохотала в ответ: бух! бух! бух! От этого тяжелого, как камнепад, хохота, увязший по самую ручку каменный топорик с чвяканьем вылетел из раскисшей грязи... Макуша поймала его на лету и уже сама полоснула себя по запястью! И ее кровь, кровь человеческая, хлынула в вздувающуюся пузырями землю!

И новый вопль ударил ввысь, и земля вывернулась наизнанку!

С грохотом крыльев два радужных змея и летучий пес прынули в небеса... кончик чешуйчатого хвоста обвился Макуше вокруг плеч и ее выдернуло из раскисшей земли как колосок! С пронзительным визгом взмывая в воздух Макуша увидела как разверзается земля и из нее словно разбегаются золотые ручейки, струясь между деревьями, раскатываясь по скалам над берегом.

Черный Полог светлел, раскрашенный розовыми полосами от поднимающегося Горячего Глаза. Раскинувшись в золоте колосьев, Макуша лежала на полянке, а над ней мерно шелестели листьями яблони. В пальцах она крутила хвостик проглоченного вместе с семечками яблока, животик круглился от непривычной сытости и странно бурчал, будто ему что не нравилось.

Невдалеке доносились голоса.

– Ты покидаешь меня, Змей и Супруг мой? – спросила змея.

– Разве я могу покинуть Владычицу мою и Супругу? Просто я, кажется, многое упустил и еще больше понял неверно в этом странном мире – и теперь хочу разобраться подробнее.

Макуша аж зажмурилась, боясь спугнуть разбухающее в груди счастье. ОН остается! Остается!

– Как я буду править Ирием без тебя?

– Есть наши дети...

– Нашим детям досталось лишь по одной стихии, ни один не владеет всеми четырьмя разом как Истинный Первый Дракон!

– Выбери сильнейшего в каждой и создай совет четырех.

– Что могут посоветовать мне драконы, проигравшие великую битву с богами? – с тоской простонала она.

– А что советовал тебе драконоводец, проигравший ту же самую битву? – легко и насмешливо ответил ОН.

Макуша услышала, как колоски захрустели под его ногами, и распахнула глаза. Кингу Велес смотрел на нее и он был такой, такой... у нее все еще было слишком мало слов, чтоб сказать, какой!

– Ты... так пел! Лучше любого охотника! – простонала она.

– Признайся, Кингу Велес! – прошипело сзади. – Ты остаешься в этом мире, чтоб найти новых слушателей для своей великой песни! В Ирие ее уже все слышали!

– Скорее, чтоб найти новые песни, Владычица. – задумчиво ответил он, продолжая разглядывать Макушу. – Мы должны взять это все с собой? – взмахом руки охватывая и колосья, и яблони, спросил ОН. – Или твои человеки сами придут?

– А нам можно сюда ходить? – почтительно спросила Макуша. ОН тут хозяин, вот пусть и решает. Она бы не пустила никого... кроме себя.

– Я бы, на твоём месте, никого не пускала. – издалека откликнулась Владычица.

Эта-то чего лезет? Она тут больше не при чем, ведь ОН остается.

– Все равно проберутся. Где одна, там и остальные. – поморщился он. – Если я захочу уединения, причем здесь... – он взмахнул рукой.

Макуша приподнялась на локтях, чувствуя как снова содрогается под ней земля. Невдалеке от берега из Большой Воды, точно как колосья из Матери-Земли, лезли похожие на клыки утёсы! Сами лезли! Вода кипела. Слышно было как визжат расплывающиеся во все стороны водяницы.

– Вот туда чтоб не лазили. Разорву. – рыкнул он, глядя на Макушу жуткими змеиными глазами с узким вертикальным зрачком.

Девчонка только и могла, что судорожно закивать. Какой он... грозный! Вождь тоже иногда так-то рычал, а Ведающая сразу начинала ругаться скрипучим сварливым голосом. А тут и она бы рта открыть не посмела!

– Но урожай, наверное, стоит взять с собой, а то могут тебе и не поверить.

Какой ОН умный! Мудрый!

– Во-во! Я тут плясал, чуть лапы не стер, а соплеменники ее все равно прикопают – во смеху-то будет! – проворчал издалека пес.

– Лети уже. – устало сказала змея. – А я на пса все погружу... напоследок.

– Почему на меня? Вы еще человечку эту на меня посадите, сделайте из меня... ездового Великого Пса!

– Какой необычный мир! Здесь даже псу приходят... оригинальные идеи! – хмыкнул Кингу Велес. – Залезай, девочка!

Большая Вода плыла под крылом летучего змея. Прижав к груди котомку, аж раздувшуюся от яблок, Макуша скорчилась на чешуйчатой радужной спине и не отрываясь, глядела на колышущийся в когтистых лапах громадный, с целое поле, пук колосьев.

«На все племя хватит. И мохнатые горы... мамонтов подкормить останется!» – Макуша зажмурилась от счастья, глядя картинку-в-голове: она кормит с руки яблоком старую мамонтиху, а на загривке важно выступающего мамонта восседает Кингу Велес в шкуре им самим убитого медведя! И в руках у него во-от такое копьё! И во-от такой топор! И нож, и...

– Эй, это не твои соплеменники там с мамонтами дерутся? – поворачивая точеную голову, увенчанную зубчатым сверкающим гребнем, прогудел крылатый змей.

Макуша широко распахнула глаза... и завизжала!

Маленький мамонтенок бился в глубокой яме, отчаянно штурмуя почти отвесные стены. Охотники с копьями наперевес сомкнулись вокруг, пытаясь не подпустить к нему разъяренную мамонтиху. Бивни мамонтихи уже рдели красным, а в траве скорчилось тело. В редкой цепочке, держась за копыта так, будто отпусти и тут же грянутся оземь, стояли и бабы, а уцелевшие после набега соседей ребятишки спешно собирали камни. И ни один не видел как из-за степного горизонта ходким шагом к ним уже спешит стадо. Старая мамонтиха вскинула хобот и грозно, протяжно затрубила. Ведь она же предупреждала, чтоб не смели тянуть острые палки к ее мамонтятам! Не послушались? Не уйдет никто!

Кто-то из охотников оглянулся... Над степью разнесся испуганный крик. Мамонты перли, и длина их бивней превышала длину человеческих копий. Мамонтиха затрубила снова... обрушившийся с неба рев был так силен, что старую мамонтиху бросило на колени, а людей покатило по степи как сухую траву. Тень распахнутых крыльев накрыла рассветный берег, погружая его в беспросветную мглу... удержавшегося у края ямы вождя ударило в лицо и сшибло с ног! Вождь медленно приподнялся на локте, хватаясь за расшибленную голову... и понял, что не быть ему вождем. Какой вождь из того, у кого вместо головы – зеленое-с-дерева! А духовитое какое! Или быть? На кого еще девки нелюдской чистоты и гладкости прям с Голубого Полога сыплются? Небось наверху таких видных мужиков не найдешь, вот и сиганула...

Жительница Верхнего Полога кубарем скатилась с вождя, походя заехав ему локтем в живот, и заорала:

– А ну пошли от мамонтов, пока вас тут всех не потоптали!

– Ты тут пока разбирайся, а я слетаю погляжу, где Симаргл застрял! – прогудело сверху и... прямо на жительницу Верхнего Полога рухнул шелестящий золотой ворох, словно собранный из лучей Горячего Глаза.

– Куда? Как же я тут... – запрокинула голову Макуша... но ворох колосьев уже обрушился на нее, погребая под своей шелестящей массой.

Накрывшая всех глубокая тень исчезла, а сверху снова засиял Горячий Глаз. Стоящая в ряду охотников Ведающая отшвырнула слишком тяжелое для нее копьё и хотела побежать, но вышло что все же поковыляла к шевелящейся у ловчей ямы золотистой груде – и принялась яростно расшвыривать колосья, пока из-под них не выглянуло бледное, как у водяницы, личико...

– Так это ж Макуша! – завизжала Ведающая. – Из-за тебя двух охотников потоптали! Хватай ее!

Воздух завизжал и... рядом с волчьей ямой вдруг закрутился черный смерч и ринулся на Макушу. Девчонка запустила руку в мокрую, изодранную котомку... и горсть сиреневых шаров-цветков, колючек, листьев, без разбору ободранных с куста на острове, полетело прямо в смерч. Завопило, смерч опал, и у ног Макуши заскакала, будто выплясывая, тварь из вихря.

– Что крутишься – хватай ее! – надрывалась Ведающая, тыча клюкой в тварь.

Та вдруг разом перестала орать, повернулась – смачно плюнула в Ведающую, скрутила пальцы в узловатую дулю, еще что-то склочное проверещала, и рванула прочь.

– Стой, а ну... – размахивая клюкой, заорала ей вслед Ведающая.

– Сама стой! – рявкнула Макуша, и... шарахнула Ведающую котомкой по голове. – Я вам еду принесла, а вы меня хватать! – и шарахнула снова. Яблоки хлынули их прорвавшейся котомки, молотя Ведающую по плечам. Та не удержалась и шлепнулась на попу. Разъяренная Макуша налетела на нее – и вцепилась в серые, будто раз и навсегда запорошенные пылью патлы.

– Уберите ее! – выдираясь из рук девчонки, вопила Ведающая. – Ее надо в Землю закопать... тогда урожай...

– Я тебя сама закопаю! – вопила Макуша, таская Ведающую за волосы.

– Ведающую бить нельзя. – молодой охотник неуверенно попытался ткнуть в Макушу острием копья.

– Ты сперва говорить как следует научись, потом мне указывать будешь! Ведающие дерутся, охотники помалкивают! – грозно рявкнула Макуша.

– Макуша – не Ведающая, Макуша – Макуша... – в голосе охотника звучало сомнение: что-то менялось, но картинки-в-голове не спешили показать – что!

– Ты у меня проведаешь, кто здесь новая Ведающая! – Макуша выхватила из-за пояса топорик и... рассекла каменный наконечник копья надвое. Старый, во все глаза уставившийся на топорик, взялся обеими руками за грудь. – В стойбище пошли, за волокушами. – с топориком в руке пускаясь в погоню за охотниками, орала Макуша. – Пошли, кому сказала! – охотники со всех ног улепетывали от нее, первым мчался молодой со сломанным копьем и вопил:

– Новая Ведающая! С топором!

А Старый гнался за самой Макушей и ныл:

– Дай на топорик глянуть, Макуша!

Сверху пошел дождь из яблок и зерна. Бабы кружились под ним, счастливо хохоча и хватая стучающие их по плечам яблоки. Мамонты изумленно трубили, даже не пытаясь больше гнаться за охотниками.

Зашелестели крылья... и громадный радужный змей, а следом и крылатый пес, медленно опустились на равнину, чудовищными гигантами возвышаясь над крохотной девчоночьей фигуркой.

– Ну ты и повеселила! – крылатый пес аж всхлипывал от хохота, вытирая глаза кисточкой хвоста. – Хорошо, что я тебя выручил – такого б без тебе не увидел! А Ведающую эту и впрямь закопай – негоже Мать-Сыру-Землю без жертвы оставлять.

Радужный дракон недобро покосился на пса и торопливо предложил:

– Лучше уговори научить как подчинять себе существо в вихре. А может и еще чему полезному.

– Как охотники учат копье кидать? А если она меня обманет? – удивилась Макуша.

– По умному уговори, чтоб не обманула. Ты тут теперь справишься? – он огляделся, крутя гибкой шеей. Радужные чешуйки бросали во все стороны слепящие искры. – Тогда я полетел. Симаргл, ты со мной?

– Полетел? Куда... полетел? – не слушая, что там ревет гигантский пес, прошептала Макуша. Громадные крылья подняли ветер и она истошно заорала. – Куда полете-е-ел? – и прошептала в нависшую над ней недоумевающую чешуйчатую морду. – Ты же... от нее улетел... от змеи своей... Разве ты не останешься здесь? Со мной?

– Чего-о-о? – пес протяжно взвыл и вдруг повалился на спину, суча лапами от хохота, и давя яблоки своей тяжестью.

– Макуша, милая... – растерянно прогудел змей. – Что мне тут делать?

Милая! Он назвал ее милой!

– Как... чего? Вождем нашим станешь!

От ловчей ямы донесся слабый протестующий возглас и тут же стих, стоило Кингу Велесу хлестнуть хвостом. Зато Симаргл принялся извиваться от восторга:

– Первый Дракон... Властитель Четырех Стихий... Вождь племени человеков! Властительница будут... в восторге!

– Замолчи, Пес! – сгусток пламени ударил рядом с катающимся по земле псом, заставив его с визгом поджать хвост. Первый Дракон повернул громадную голову к Макуше, дым тонкими струйками клубился над его ноздрями. – Девочка, это невозможно.

– Почему? – опуская голову, упрямо прошептала новая Ведающая племени.

– Потому что мне это неинтересно. – уже с легкой досадой ответил змей. – Я не для того оставил Ирий, чтоб сидеть в твоём... племени. Я хочу поглядеть ваш мир... все земли, а уже потом решать, где и надолго ли оставаться.

– Что там глядеть! – завопила Макуша. Он думает, она вовсе глупа? Остров его – последняя земля, а за Большой Водой мир уже и кончается, иначе чего б к ним чужаки приходили? Шли б себе куда-нибудь в другую сторону. – Я стану твоей бабой!

– Кем? – радужный дракон попятился, а пес завыл, дрыгая всеми лапами и молотя хвостом.

– Охотник не может без бабы! Кто шкуры скоблить будет, коренья собирать, одежду шить...

– Она тебе и чешую надраит, с песочком! – выл пес.

– Я все умею! – протянула к змею руки Макуша.

Он долго, шумно выдохнул, окутываясь белым паром. Пляшущие вокруг радужной шкуры языки пламени принялись стихать, а земля перестала качаться под ногами. Длинный чешуйчатый хвост развернулся и... легонько толкнул Макушу в грудь, заставляя усесться в пыли.

– Подрасти сперва, человечка! – прогудел змей. – Я такими маленькими... и дикими... не увлекаюсь. – громадные крылья хлопнули снова... и змей медленно и величаво поднялся в воздух. Заложил круг и понесся навстречу восходящему Глазу, постепенно тая в его лучах. В изнеможении подвываящий пес полетел следом и вот они исчезли в разгорающихся на Голубом Пологе красках. Змей не оглянулся.

Сидящая в пыли девчонка медленно поднялась, постояла, покачиваясь... и зашагала навстречу старой мамонтихе. Привычно обняла толстый, как деревце, хобот.

– Ничего... – она погладила жесткую шерсть. – Охотники волокуши притянут, вытащим твоего мамонтенка. Ты на них не сердись, глупые они... и голодные... и настоящая Ведающая у племени только вот появилась...

Мамонтиха изогнула хобот и ласково подула девчонке в волосы, заставляя легкие и густые после ирийской воды черные пряди взлететь и опасть пушистым цветком. И тогда девчонка судорожно разрыдалась, пряча лицо в густой шерсти – никто не должен видеть слез Ведающей.

– Ничего... – шептала она. – Я совладаю... погоди, Кингу Велес! – она шморгнула носом, но зло и непреклонно поглядела в разгорающийся Горячий Глаз, в сиянии которого истаял радужный дракон. – Даже я не ведаю, будешь ли это ты, твой сын, или внук – но вы еще побегаеете за такими как я... маленькими и дикими! Как хвосты ваши будете за дочками и внучками моими таскаться! Так говорю я, Ведающая людей, и будет по Слову моему! – выкрикнула она.

Подобрала камень... и отправилась уговаривать старую Ведающую научит всему, что та знала. Вспомнила совет уговаривать по-умному... и выбрала камень побольше.

До царя Гороха

– Змееныш! Поганый змееныш! Катись отсюда! Катись горошком!

Брошенный меткой рукой комок грязи разлетелся об... ползущую мимо хижин летнего стойбища медвежью тушу. Туша дрогнула, развернулась и стало понятно, что не сама она плывет над землей, а лежит на плечах паренька. Лапищи добытого медведя свисали, то и дело царапая растопыренными когтями по земле, пасть скалилась у парнишки над плечом, казалось, громадные зубищи вот-вот вопьются в ухо. Медведь был огромным, парень – крупным, если бы не мальчишеская курносая физиономия его даже можно принять за взрослого мужчину, но рядом с медведем и он казался маленьким. А уж напавшие на него противники не только казались, но и были мелюзгой.

– Катись из нашего стойбища! – стайка детворы, мокрой, и от пяток до макушек покрытой илом и грязью после возни в реке, порскнула в стороны, стоило добытчику медведя повернуться к ним. Отбежали на безопасное расстояние – так, чтоб не дотянуться одним прыжком, если вдруг парнишка решит бросить добычу да погнаться за обидчиками – и снова заскакали, корча рожи:

– Змееныш, змееныш! Катись горошком! – самый высокий и крепкий из малышни, размахнулся – и горсть рыбьих потрохов вцепилась пареньку в лоб, забрызгав лицо и грудь.

– Что здесь происходит? – шкурной полог хижины отлетел в сторону и низкорослый, плотный, даже пузатый, точно баба рожавшая, мужичок выбрался наружу.

– Проснулся, змеев выкормыш! – процедила склонившаяся над колодой с еще живой, плещущейся рыбой старуха и взмахом костяного ножа распластала рыбе брюхо, при этом так мрачно поглядывая на мужичка, будто представляла его на месте рыбины.

– Вода уши залила? – возвысил голос тот. – Я спросил – что за шум?

За ним из хижины, торопливо натягивая пропитанные рыбьим клеем рубахи – не всякий топор такую и прорубит! – выбрались вооруженные копьями стражники.

– Пошли отсюда! – от растянутых на берегу сетей торопливо шагал кряжистый мужик. Рывком – ребягня испуганно порскнула прочь, только босые пятки засверкали. Шагнул к мужичонке, оказавшись выше на голову... и склонился в низайшем, до самой земли поклоне. – Не гневайся на детвору, змеев слуга, не хотели будить тебя! Что с них взять, дурные дети! Заигрались, вот и расшумелись. Прости.

– Что с вас взять, мы с тобой еще поговорим, вожак. – змеев слуга ослабил, а вожак заметно помрачнел. – Хочу поглядеть, с кем ваши детишки так заигрались.

Вожак помрачнел еще больше, завертел головой – и сипло выдохнул сквозь стиснутые зубы, точно хотел ругнуться, да сдержался. Парнишка с медведем, из-за которого и начался весь шум, вовсе не стоял на месте, дожидаясь, чем же все окончится. Медведя вожак увидел уже на самом краю стойбища – полностью закрывающая паренька туша медленно удалялась вдоль берега.

– Эй, стой! Вернись! Катигорошек! Тебя змеев слуга видеть желает!

Туша продолжала удаляться. Не замедляя и не ускоряя шаг, парнишка волок медведя прочь, и не оглядывался, будто и не слышал.

– Догоните его. – бросил змеев слуга и стражники сорвались с места.

– Стой, кому говорят! – догнать вроде бы неторопливо шагающего паренька оказалось непросто. Сперва стражники двигались неспешным шагом, потом быстрее и наконец сорвались на бег. – Тебе что приказали? – запыхавшийся стражник ухватился за медвежью лапу. Рывок... вцепившегося в медведя стражника поволокло по мокрому песку следом за пареньком. А тот как шел себе, так и продолжал идти.

– Арррра! – второй стражник издал раскатистый, похожий на рык, клич и выставив копьё, прыгнул наперерез. Острый кремневый наконечник уперся парню в грудь. – Своевольничать вздумал, стойбищный? Воли змиевой противиться?

Парень задумчиво поглядел на него, аккуратно, даже деловито струсил медведя на землю... и столь же деловито ухватился за копьё. Ошеломленный стражник дернул копьё на себя... толстое полированное древко хрупнуло и копьё переломилось, оставив в руках стражника лишь деревяшку.

– Арррра! – подскочивший сзади напарник размахнулся, собираясь ударить древком копья парню по спине. Паренек пригнулся... стражник перелетел через его голову, врезался напарнику в грудь и оба рухнули на песок.

– Ах ты ж... Да я тебя сейчас... – стражник заворочался, пытаясь подняться. Банг! Кулак паренька опустилсся ему на макушку. Стражник тихо и молча ткнулся носом в песок. Его напарник вскочил... только чтоб увидеть стремительно приближающийся к лицу кулак.

– Он не из нашего племени! – успел пробормотать вожак, когда змеев слуга сорвал стягивающий кожаную рубаху тонкий чешуйчатый пояс... и швырнул в парня.

Пояс развернулся в полете... оскалил клыкастую пасть и распахнул тонкие узорчатые крылышки.

Банг! – кулак паренька врезался стражнику в переносицу, опрокинув того на песок. Парень крутанулся... и сомкнул пальцы на тельце летающего змейчика. Змейчик отчаянно заверещал, рванулся... и вдруг шипение его приобрело умиротворенные нотки и он обвился парню вокруг запястья, умильно пристроив треугольную голову в ладонь. Кончиком пальца паренек почесал змейчику надбровье – тот благодарно курлыкнул в ответ.

– Ты гляди, и впрямь змееныш! И как это раньше его никто не приметил? – хмыкнул змеев слуга и неторопливо направился к пареньку. – Как зовут тебя, сын великого отца?

– Катигорошком кличут, а отца у меня нет.

– Слышал я, как тут тебя кличут. – змеев слуга присел на корточки над медведем. – Хорош бер! Шкуру снять, мяса наварить, жира натопить – на подать от вашего племени беров жир куда как сгодится. – он небрежно потрепал жесткий мех.

– Он не из племени! – снова выпалили вожак.

– Так отними бера, вона у тебя охотников сколько. – ухмыльнулся змеев слуга.

– У него отнимешь... – вожак с неприязнью глянул на паренька.

– Выходит, пробовали уже? – пухлые щеки змеева слуги раздвинула улыбка и он захохотал, пузо под распутившейся без живого пояса рубахой запрыгало. – Чего ты им сделал?

Парень, не отвечая, усадил печально заворчавшего змейчика на землю, и взвалил тушу на закорки.

– Расскажи! – продолжал допытываться змеев слуга. – Или боишься?

– Чего мне бояться? – донеслось из-под свисающей Катигорошки на лоб медвежьей башки. – Камень кинул.

– Камень? И всего-то? – хмыкнул змеев слуга.

Вожак и несколько соплеменников невольно обернулись – громадный, уже успевший порости мхом валун торчал прямо посреди стойбища. Змеев слуга сперва недоуменно уставился на этот валун – а потом захохотал снова.

– Чего ж теперь терпишь, чтоб в тебя грязью кидали?

– Мелкие. – пробурчал парень из-под туши и медведя поволокло прочь.

– У них отцы есть – пусть бы они ответили! – в лохматую медвежью спину крикнул змеев слуга. Лицо вожака снова передернуло ненавистью и страхом.

– Мелкие. – снова донеслось из-под туши, и парень со своей добычей окончательно скрылся за деревьями.

Незаметная стежка уводила от берега все глубже в лес, пока не уткнулась в наполовину закопанный в землю сруб. Рядом курился костерок, на протянутых между деревьями оленьих жилах сушились выпотрошенные лещи. Сидящая у сруба женщина перебирала грибы в травяном туеске. Увидев согнувшегося под тяжестью медвежьей туши паренька женщина вспыхнула радостью, вскочила навстречу...

Змеев слуга вывернул у Катигорошка из-за спины так внезапно, что женщина уронила туесок и шарахнулась прочь.

– Сынок, кто это?

– Привязались. – мрачно буркнул парень, сбрасывая тушу с плеч.

– Поздорову ли народившая Повелителю сына? – кланяться змеев слуга не стал, но голос его звучал не в пример уважительней, чем когда он говорил с вожаком племени. Но женщину эта уважительность нисколько не обрадовала, наоборот она зло глянула на сына и шмякнула его туеском:

– Говорила тебе, чтоб не ходил через стойбище? Говорила?

– Это что же, выходит, ты от Повелителя сына прятала? – сообразил змеев слуга. – Да ты не мухоморов ли обкушалась, женщина?

Катигорошек молча взял толстяка за горло и приподнял на вытянутой руке.

– Понял, понял. – цепляясь за сомкнутые на горле пальцы, прохрипел змеев слуга. – Я не собирался грозить твоей матери!

Парень разжал руки, и толстяк свалился на землю.

– А ты молчун. – потирая шею, пробурчал он.

– Чего говорить-то? – Катигорошек оттащил медвежью тушу в сторону и примерился свежевать.

Змеев слуга бросил презрительный взгляд на его каменный нож.

– На! – другой нож блеснул в воздухе – и воткнулся в дерево у головы парня. – Не могу ж я сына Повелителя нашего без справно ножа оставить!

– Никому я не сын. Только вот мамке. – буркнул Катигорошек, но к обмотанной полосой кожи рукоятке потянулся и зачарованно уставился на нож с навершием в виде головы змеи. Тот тоже был каменным, но таким ровным и гладким, что в него можно было смотреться. Парень коснулся режущей кромки и тут же сунул набухший кровью палец в рот – таким острым было лезвие.

– Ну что, хорош ножик... мамкин сынок? – усмешливо спросил змеев слуга. И хвастливо добавил. – У твоего отца, Повелителя нашего, других ножей не держат!

Мать вскинулась, готовая что-то сказать, но зверский взгляд змеевого слуги заставил ее замереть с открытым ртом.

– Чего мне там делать? – Катигорошек примерился новым ножом к шкуре медведя. – Как ты: по людям ходить, тяжким трудом наработанное отбирать да змею под хвост волочь?

– Ишь ты! Это у вас в племени такие разговоры про Повелителя нашего крылатого ходят? Ну-ну! – толстяк покрутил головой. – А в котелках у вас варево гороховое да ячменное! Откуда б те горох да ячмень взяли без Повелителя нашего Змея?

Женщина сжала губы в тонкую нитку и одарила змеева слугу недобрым взглядом, но опять промолчала.

– Нам тот ячмень с горохом не за так, а в обмен дается. – мотнул головой парень, аккуратно вспарывая шкуру.

– За так ничего и не бывает! – захохотал змеев слуга. – Да ты не бойсь, для сынов своих у Повелителя кус послаще найдется, чем с дикого племени подать брать. Шестеро сыновей у Повелителя, ты седьмой будешь.

– Шестеро? – начавшая собирать рассыпанные грибы женщина так и замерла.

– А ты как думала? Одна была у него? Не шибко доволен своими сынами Повелитель наш – вона, у соседних змеев-властителей есть сыновья, что и сами змеями оборачиваются, а у ближнего соседа дочка-змеица. Все в Змеево царство ушли, только иногда навещаются, лишь у нашего Господина все человеки да человеки. Но сынов своих, хоть и неудачных, Повелитель не обижает, все в гвардии его служат, и ты послужишь. Станешь у Змеева Капища жить, сытно есть, мягко спать, не придется за берами по лесам гоняться. Да и мне кой чего перепадет, коли я тебя приведу.

– Не хочу. – продолжая разделять медведя, пробурчал парень.

– Уж не ждешь ли ты, чтоб сам Повелитель за тобой прилетел? – толстяк хлопнул себя ладонями по коленям. – В седьмом сыне, говорят, Сила особая скрыта, да только Сил Повелителю и без тебя не занимать. А, делай как знаешь. Занятный ты парень: не идешь к тем, кто радостно встретит, а остаешься с теми, кто гонит. Нож-то верни... Катигорошек. – и презрительно скривившись, протянул руку за ножом.

Без единого слова парень вернул нож и сам вернулся к работе. Змеев слуга шагнул обратно по тропинке, но вдруг остановился:

– Спросить еще хотел – кто ж мне скажет, как не Повелителя нашего подруга да сын? – не оглядываясь, бросил он. – Правду ли говорят, где-то здесь на реке, заместо того, чтоб Повелителям и кормильцам нашим, змеям крылатым поклоняться, бабе простой да псу блохастому требы справляют?

– Откуда нам знать: правда или лжа – не слыхали мы такого. – пробурчал парень.

– Виданное ли дело – простой бабе поклоняться? – подхватила его мать.

Змеев слуга покивал задумчиво.

– Так ты подумай... – бросил он парню и пошел прочь.

– ...Макошь-матушка, Всякого Добра Подательница, ему простая баба! – зло закончила мать и совсем по ежиному фыркнула. – Дорогу ему запутать разве? – и сама же отрицательно покачала головой. Запрокинула голову и крикнула в кроны деревьев. – Пригляди!

Лес ответил слаженным гулом. Мать принялась собирать рассыпавшиеся грибы, сын, упорно пыхтя, свежевать медведя.

– Сынок... а может... и прав змеев слуга? – после долгого молчания вдруг спросила мать. – Сидишь тут со мной в лесу, сыч сычом, света не видишь.

– Мешаю я тебе? – парень не поднял головы от работы.

– Дурень! – крупный гриб полетел в сына и плюхнулся у самых ног. – У меня в жизни только и есть, что ты, я каждому восходу радуюсь, ведь сын мой со мной! Да только что это за жизнь у молодого парня со старой мамкой, да еще здесь, где все змеев ненавидят?

– Я не змей. Человек я! – обиженно пробурчал парень.

– Не змей. – согласилась мать. – Но добре, что не вовсе человек, люди-то, они порой похуже змеев будут. Думаешь, не знаю, как тебя дети дразнят? Вот ужо дождусь, как мамки их ко мне за помощью прибегут! Я им зелий-то наварю – до ночи из-под куста не вылезут, все лопухи в округе изведут!

– Мелкие. – укоризненно прогудел Катигорошек.

– Тебе мелкие, а мне в самый раз будут. – непримиримо ответила мама. – А дальше-то что, сынок? Парню нужна невеста!

– Рано мне еще! – щеки его вспыхнули румянцем.

– Мать за дуру держишь? Думаешь, не знаю, что ты на вожакову дочку глаз положил, а вожак тебя погнал, да еще и посмеялся? А в Змеевом Капище молодых девок много, каждая за счастье почтет.

– Почтет. Змей прикажет, за что скажет, за то и почтет: и за счастье, и за радость великую. Да и приказывать не придется, от одного страха перед змеенышем и покорствоваться, и улыбаться станет, и отец ее с матерью в ноги поклонятся, чтоб я с их дочкой не сотворил – все ладно

будет. А я так не хочу! Лучше уж как здесь, честно ненавидят, чем за улыбкой страх, а внутри – ненависть. Мне... от Змея поганого... ничего... не... надобно! – тыкая в воздух ножом, будто вонзая в кого невидимого, процедил парень – впервые обычное спокойствие изменило ему. – Ни власти змеевой, ни сладких кусков! Человек я, какой ни есть, а человек, а не... змей недоделанный, сын неудачный, и Сила и власть у меня свои будут! Чего в жизни захочу, сам возьму, со змеева стола крохи подбирать не стану!

– Какой же ты неудачный! – Женщина метнулась к нему, обхватила руками его голову и прижала его, бурно дышащего, к себе. – Ты лучше всех!

– Тот-то и оно! – парень попытался выкрутиться из ее рук... и вдруг затих, сам прижавшись крепко-крепко. – Это тебе я лучше, вот с тобой и останусь.

Зашуршало, затопотало и оторвавшись от матери, Катигорошек кинулся к топору: никто из соплеменников не ходил с таким грохотом. Уж не особого ли бера он убил, не спешат ли родичи его со всего леса вершить кровную месть обидчику?

Кусты затрещали и на поляну вывалился вожак, волоча за собой девчонку возраста невесты. Катигорошек застыл с топором наизготовку – и на скулах его вспыхнул яркий румянец.

– На! – вожак вдруг с размаху швырнул девчонку Катигорошку под ноги. – Бери дочку! Бери!

Девчонка скорчилась у его ног и тихо всхлипывала, а Катигорошек, казалось, и вовсе задеревенел, только лицо его теперь пылало: и уши, и щеки, и лоб в алых пятнах.

Мать шагнула вперед, уперла руки в бока:

– Ты чего сюда пришел? Надсмеяться над нами хочешь? Не годился твоей дочери мой сын, чего ж передумал?

– Лучше змеенышу в жены, чем к змею в услужение! – рявкнул вожак.

Мать уставилась на вожака изумленно, и тут же недобро прищурилась:

– Вот теперь я тебя поняла-а... – и со странной смесью жалости и торжества в голосе, закончила. – Твою дочь забирают на Змеево Капище!

Лес зашумел, деревья закачали кронами и на поляну вылетел малый змейчик, заложил петлю вокруг вожака и его дочери, зашипел-запищал, а следом пыхтя и задыхаясь, снова выбрался змеев слуга в сопровождении стражников:

– Извиняй, хозяйюшка-матушка, зачастили мы к тебе. Сам не рад, староват я уж за девками бегать! – он повернулся к вожаку. – Не дури, человеке! Нам, змеевым слугам, мужних жен брать не велено, мужнюю жену разве что Повелитель сам унесет, коли понравится...

– Вот и женись! – не глядя на змеевого слугу, а обращаясь только к Катигорошку, потребовал вожак. – Ты змееныш, у тебя девку отнимать не станут.

– Ну дурень! – совсем по бабьи всплеснул руками толстяк. – Да на Змеевом Капище и то змееныши супротив отца своего и Повелителя не своевольничают. А этот и вовсе пока незнамо кто! А я змеев слуга, надо мной Повелителя воля и ничья боле! А по воле Повелителя вам сего лета положено девку в услужение отдать. Была б твоя дочь замужняя, я б другую взял, да так оно и ладно вышло, остальные уж больно страшные. Еще с вас рыбы сушеной колоду, берова жира топленого две полных руки туесов... – змеев слуга для наглядности предъявил обе руки с растопыренными для счета пальцами. – ...да одну руку сильных парней... – растопыренными осталось пять пальцев. – ...на строительство Змеевых валов².

– Да как же я рыбы да жира напасу, ежели вы парней забираете?! – вожак аж задохнулся, лицо его налилось кровью.

² Уникальные земляные оборонительные сооружения дорюриковской Руси (остатки сохранились на правом берегу Днепра).

– Так вот же у тебя охотник какой – беров ровно зайцев бьет. Охти мне, стар становлюсь, забыл – он же не в племени! – змеев слуга едва заметно скосил глаза, проверяя, слышит ли его Катигорошек. – Мелкоту к делу пристрой: чем охотника дразнить, рыбой займутся!

– Это ты во всем виноват! – раненым рогаčem взревел вожак и кинулся на Катигорошка. Удар был страшен – вожак всей тяжестью врезался парню в грудь... и медленно сполз наземь.

– Был бы ты признанным змеевым сыном, можно его и на копья вздеть. За непочтение к змеевой крови. – разглядывая скорчившегося рядом с дочерью вожака наставительно сообщил змеев слуга.

– Благодарствую, без защиты обойдусь.

– Как знаешь. Ну пойдем, милая. Побегала и будя. – кивнул девчонке змеев слуга. – Берите ее.

Стражники подхватили девчонку под локти.

– Не хочу! – завопила она, отчаянно дрыгая ногами в воздухе. – Батюшка, не позволяйте им! Не хочу к змею! Не хочу как змеенышева мамка!

Лицо шагнувшего было вперед Катигорошка заледенело, и он замер на месте. Змеев слуга едва заметно улыбнулся.

– Не реви, девка! С каждой случиться может. – бросила мать Катигорошка, и в тоне ее сочетались искренне сострадание... и столь же искренне злорадство.

– Верно, реветь нечего! – сладеньким голосом согласился змеев слуга. – Может, Повелителю нашему крылатому ты еще и не глянешься... вот и исполнится твое желание, одному из шести змеенышей достанешься. – и снова покосился на Катигорошка.

Девчонка взвыла и вовсе белугою.

– Еще раз прощенья просим. – змеев слуга кивнул отдельно парню, отдельно матери и рывкнул вожаку. – Эй, пошли! Коли приходишь к хозяевам только когда самому чего надо, имей стыд уйти, коли отказали! – еще раз покосился, проверяя, как его слова действовали на Катигорошка, с сомнением хмыкнул в бороду, повернулся и ушел по тропинке. Следом стражники проволокли все еще брыкающуюся и орущую девчонку. Последним на подрагивающие ноги поднялся вожак и не оглядываясь, убрел прочь.

Мать и сын остались одни. Некоторое время молчали, мать, запрокинув голову, вглядывалась в нависающие над головой кроны. Наконец возобновился смолкший было птичий щебет, а ветви сосен успокаивающе закачались.

– Ушли. – шумно перевела дыхание мать.

Катигорошек лишь кивнул и вернулся к разделыванию медведя. Последнюю полоску медвежьего мяса накололи вялиться на остром суку, и парень побрел к томящемуся меж прогоревших угольев глиняному горшку. Некоторое время мать и сын молча ели, передавая горшок друг другу и прихлебывая из него мясной взвар.

– Зелья мне в дорогу собери. – обглаживая выловленную из котелка кость, вдруг пробурчал Катигорошек.

Мать замерла, горшок в ее руках опасно качнулся, но она аккуратно поставила его на край очага и только тогда повернулась к сыну:

– Она все ж таки тебе нравилась?

– Кто? – от неожиданности раскусывая кость пополам, проперхал Катигорошек.

– Вожакова дочка! – мать с размаху приложила его кулаком меж лопатками, кость вылетела у парня из горла, он закашлялся, а мать врезала ему по спине еще раз. – Прав змеев слуга, хоть и гад почище самого змия! Она над тобой надсмехалась, а прибежала, когда к самой беда пришла – а ты ее спасать кинешься, дурень?

– Да не кинусь я никуда! – Катигорошка взглянул на мать с таким изумлением, что та поперхнулась очередной гневной отповедью. – Не нужна она мне! Я про нее еще с прошлой весны думать забыл!

– Куда тогда собрался? – подозрительно прищурилась мать. – На охоту тебе не надо...

– К старому Сваргу схожу! Зелья отнесу и пересижу у него, пока змеев слуга хозяину своему все обскажет.

– Твой отец... – она поглядела на насупившегося сына и исправилась. – ...змей не станет тебя искать. Ему не нужны те, кто сами не ищут его милостей. Знамо, ежели они волю его не нарушают.

– Кто знает, что у него в чешуйчатой башке делается? Тем паче, змеев слуга выслужиться перед хозяином хочет – неизвестно, чего наговорит.

Мать встревожено нахмурилась.

– Лучше мне покамест отсюда подальше. Как утихнет, возвернусь. Не бойся, мам. Куда я от тебя денусь! – он ткнулся ей лбом в плечо.

– Ой, ты... – мать погладила его по русым волосам и строго потребовала. – Поклянись! Клянись, что не собираешься змеевых слуг перебить, заради дурищи жожаковой! Вот тогда точно змей прилетит – и всем нам конец выйдет!

– Матерью Макошью клянусь, пальцем змеевых слуг не трону! Нужны они мне!

Катигорошек уходил все дальше в чащу – за спиной его болталась котомка с охотничьим припасом и мамкиными снадобьями. Мать стояла у сруба, глядя как растворяется между стволами сосен высокая кряжистая фигура ее единственного сына.

– Что толку слуг змеевых убивать. – не оглядываясь, тихо прошептал парень. – Убить надо самого змея.

Старый Сварг довольно вздохнул, нацепил на жердь последний кулан рыбы, постоял еще, любуясь золотыми бликами на воде, среди которых мелькнуло гибкое тело водяницы – та вынырнула из-под коряги, сожалеюще скривилась, поняв, что опоздала, и рыбак уже вылез из воды. Сварг понимающе улыбнулся: не расстраивайся, рыбонька, все равно я тебе не по зубкам. Коромыслом положил на плечи палку с рыбой и натопанной стежкой побрел к дому. Было хорошо: лес распаренный, прогретый солнцем, пахнет – страсть, аж рыбий дух перебивает, рыбы теперь хватит на всю зиму, а дома зайчатина жаренная, да еще земляничного листа заварить...

Густой подлесок раздвинулся бесшумно, из него вынырнуло нечто здоровое и лохматое и густым басом спросило:

– Расскажи мне, дядька Сварг, как у тебя вышло змея-то убить?

Сварг развернулся – жердь с размаху «приласкала» пришельца... и воткнулась концом в землю. Рыба посыпалась во все стороны, пришелец мелькнул, словно размазавшись в воздухе, и растворился в подлеске, чтоб снова вынырнуть за спиной.

– Дядька Сварг! – новый удар жердью пришелся в грудь... и на сей раз почти достиг цели – противник едва успел уклониться. Но все же успел. – Дядька Сварг, да это ж я! – отбивая летящую в лицо рыбу, прокричал тот.

Ответом ему был только разъяренный рев... и шест в руках дядьки превратился в размытую тень. Слева-справа-сверху, удар-толчок-выпад... Жердь порхала с руки на руку, атакуя сразу со всех сторон, грозя в лицо, в грудь, в живот пришельцу... а тот метался между ударами, немисливо изворачиваясь, отступая и подсакивая... и удары пролетали мимо, мимо, мимо! Жердь выгнулась и с оттяжкой хлестнула врага по рукам... звучно хрустнула и переломилась об встретивший ее кулак. Дядька отскочил, сжимая обломок. Только одна тварь в свете могла двигаться с такой скоростью и бить с такой силой, только одна могла противостоять ему... но змей бы драться не стал, сразу схарчил, выходит, не змей это, а...

– Ах ты ж порченная кровь, поганый змееныш! – дядька вскинул жердь, готовясь дорого продать свою жизнь...

Но противник отступил назад – шаг и еще шаг... И сел на корточки, опустив голову.

– И ты, дядька, нас за людей не считаешь?

– Эй! – настороженно выставив жердь, старый Сварг сделал пару шагов вперед... и подслеповато прищурился. – Катигорошек, ты, что ли?

– Так я ж кричал, что я!

– Да ты такое кричал, что тебя не жердиной – дубьем приложить надо! Я думал, то змеев подсыл какой! – дядька еще раз прищурился – и впрямь ли перед ним сынок бывшей Ведающей. На парня-то он никогда особого внимания не обращал: крутится там чегой-то под ногами, сперва мелкое, потом уж и постарше. Помогал иной раз мамке его: когда в обмен на ее зелья, а когда и просто так. От стыда. Соплеменников своих он понять мог, очень по-человечьи это: коли змей может ткнуть когтем в любую девку, а ты, воин да охотник, что и перед бером не трусил, будешь только кланяться да благодарить, что одну взял, не две – стыдно это, так стыдно, что аж варом нутро выедаёт. Вот и ведут себя, будто девка сама виновата. Ну а бабы просто завидуют – змеи всегда забирали самых красивых, и если ты осталась в стойбище, значит, даже змеище поганое на тебя не глянуло. Ну и жизнь у змеев полегче, а потому коли уж вернулась девка из змеевых хором, то за все заплатит. Эх, люди-человеки, что ж вы за твари такие, что порой и звери, и змеи вас добрее.

– Не подсыл я! – парень вскочил на ноги. – Мне и правда надо узнать, как ты змеище извел, дядька Сварг.

А говорит – не подсыл. Змеевы слуги должны были в стойбище за данью заявиться, не иначе как их работа!

– Как повелители наши змеи говорят – чешуйню, паря, несешь! – сдержанно бросил дядька, опуская жердь и внимательно вслушиваясь в лес. Глаза с годами похудшали, не догадался он тогда их змеиной кровью промыть, зажмурился... а со слухом и чуйкой все ладно и сдается ему... что нет никого вокруг! Что ж дурень молодой, один появился? Хотя змееныши людей сильнее, так ведь не умнее. – Змея крылатого человек победить не может! Не дано ему такое, бо змей же – это... – Сварг развел руки с шестом. – С змеем драться – все едино, что с горой бодаться: себе голову разобьешь, а ее с места не сдвинешь! Смотри при змеевых слугах такого не ляпни. Они, знамо дело, над дуростью твоей посмеются, а потом за непочтение шкуру у тебя со спины спустят, хорошо если вовсе не прибьют.

– А в стойбище поговаривают... – начал парень.

Врет? Или вожак вовсе, как говорят змеи, гребнем съехал, что такие разговоры дозволяет?

– А еще в стойбище поговаривают, что нелюдь ты, парень, поганая, и что вас с мамкой прибить надобно! – перебил его Сварг.

– Так они б и прибили, коли б могли. – губы парня вдруг растянула самая настоящая, ледяная змеиная усмешка, а глаза коротко блеснули золотом. – Выходит, правду бают?

– Так и я б тебя прибил... ежели б мог. – буркнул Сварг и не собирая разбросанной по тропе рыбы, пошел прочь.

– А сдается мне, что можешь! Вот только ты и можешь, дядька! – крикнул ему вслед Катигорошек, но дядька не оглянулся. – Да погоди ты, дядька! Мамка тут снадобья передала...

– Вот и иди с ними... змею под хвост. – бросил дядька, ныряя в подлесок. Быстрым тревожным шагом он топал через лес – каждая сухая ветка сейчас хрустела под ногами, так что выследить его было вовсе не сложно. Что делать, если парень последует за ним, он не знал. И что делать теперь, не знал тоже.

– Бросать все и бежать! – чуть не кувырком он выкатился на небольшую полянку. С высоты та полянка была не видна, все прикрывали разросшиеся кроны деревьев, разве что торчала между ними небольшая округлая скала, словно бы оторванная от круч над рекой да невесть какой силой заброшенная посереде леса. Бурлил родничок, заботливо прикрытый деревянной крышей, в хижине-саже хрюкали отловленные на охоте кабанята, да паслась на

привязи коза. Вкопанный в землю сруб ждал вернувшегося с охоты хозяина, а пещерку в скале, ту, где хранилось все самое главное, самое важное прикрывал тяжелый валун. Старый Сварг обвел такое налаженное, такое привычное хозяйство мрачным взглядом.

– Как он мог узнать? Как? – он яростно стиснул кулаки.

Никто не знал, в мыслях не держал, а и подумал бы, так сам бы дурную думку прогнал, твердо зная – невозможно человеку убить змея крылатого! Нет у людей такой силы, а значит, и догадок таких быть не может!

– Это потому что я с ним на равных бился? – позабыв степенность, Сварг метался по поляне как переполошенная девка. Змееныши всегда были сильнее людей, потому и парень с мамкой своей живые, иначе прибили бы их давно. А может, не парень вовсе догадался, а мамка его? Она баба не простая. Раньше-то Ведающим всегда личико портили, чтоб змей не позарился, не забрал. А тут случись же такому – старую Ведающую ледоходом унесло, новая без наставницы в Силу вошла, девчонкой совсем была. Как сунулись к ней с ножами каменными, так и пообещала голод разом со слабостью живота всему племени устроить, только тронь ее. Прятали ее от змеевых слуг, а все недоглядели. Потому и злобствовал на нее вожак, что без Ведающей племя оставила, и как вернулась, еще и со змеенышем в животе, злобу переломить не сумел. Другую бабу Ведающей назвал, только Ведающих не вожак выбирает, а река да остров на ней, да Макошь Матушка. Могла мамка Катигорошкова догадаться, могла... Все едино не могла! Не с чего ей! Никто не знал, не видел, и следов не осталось! Следов, да...

Сварг кинулся в обход скалы. Бежать было недалеко. Еще одна полянка, только начавшая «затягиваться» порослью молодых деревьев – словно все старые исполины враз исчезли с нее, то ли вырубленные, то ли выжженные – пряталась всего в паре шагов за скалой с пещерой. Сварг раздвинул кусты... и замер. Поляны не было. Вместо нее красовалась наполовину разрытая яма, а из ямы торчал череп. Огромный череп. Череп крылатого змея.

Сварг повел безумным взором по просвечивающимся сквозь землю позвонкам.

– Я рыбу собрал, дядька Сварг. И отвары все ж возьми, мамка старалась, варила.

Сварг развернулся на пятках и ударил, целя прямо в сердце возвышающегося над ним парня. Нож странно – тускло и страшно – блеснул на солнце. Зрение, на которое так жаловался старый Сварг, не подвело, ударил он метко. Подвела сила рук. Все же не мог он биться с настоящим змеенышем вровень. Катигорошек сомкнул пальцы у старика на запястье, Сварг напрягся изо всех сил, мышцы его вздулись буграми, жилы на шее напряглись... он протяжно застонал, опускаясь на колено под непреодолимым напором. Змееныш вынул нож из ослабевших пальцев. И зачарованно уставился на темное лезвие.

– Ох ты ж! Им змея убил, дядька? – и не дожидаясь ответа уселся на землю, баюкая нож на руках точно баба – мальчика.

– Ты как... узнал? – упираясь руками в землю и тяжело дыша, простонал Сварг.

– Что? А, это... – парень бросил беглый взгляд на полураскопанную яму и снова зачарованно уставился на нож. – Нашел. Как первый раз от мамки вязанки с травами к тебе тащил. Земля тут странная, любопытно стало.

– Так это ж было... – Сварг растерянно посмотрел на собственные пальцы. – Почитай, полруки весен назад!

– Ну так говорил же я, что не подсыл! – парень медленно провел по ноздреватому, иззубренному лезвию ножа и счастливо сунул порезанный палец в рот. – Острый! Прямо как змеевы каменные топоры.

– Говоришь, еще тогда? Дай! – дядька Сварг властно протянул руку к ножу. И нетерпеливо повторил. – Давай, давай! Тебе он против змея не поможет!

– Тебе ж помог. – неохотно расставаясь с ножом, пробурчал парень.

– Мне... – усмехнулся дядька. – Змей молодой был, дурной, да залетный. Ты ж, небось, на нашего Повелителя нацелился? – и получив кивок, поинтересовался. – А зачем?

– А надоел он мне! – задиристо ответил парень, но увидев кривую усмешку старика помрачнел и отвернувшись, пробурчал. – Помирает племя. Вожак еще не видит, а я... а мамка... видит. Баб меньше, малых и вовсе об ту зиму ни одного не выжило. А нынешнюю подать как отдадут, так и вовсе опосля холодов никого не останется.

– Жалеешь их? – яду в голосе старика было как у разозленной гадюки. – А они тебя с мамкой не жалели!

– Чего нас с мамкой жалеть – мы сильные. – искренне удивился Катигорошек. – Нам за племя и решать, коль у них самих силы нет.

– Они вас даже за соплеменников не держат!

– Мелкие они, меня держать. – усмешка парня стала снисходительной. – Я решаю.

– Все с тобой ясно... змеева кровь. – не обращая внимания на скорченную парнем презрительную рожу, Сварг приказал. – Зароешь все, что раскопал, тогда и приходи. – поглядел на хмурающееся небо. – Дождь будет, хорошо... – и заторопился обратно к дому.

Катигорошек насупился еще больше, вытащил из кустов деревянную копалку и принялся быстро забрасывать змееву могилу землей.

– Дядька Сварг! Я закончил! – под набирающим силу ливнем Катигорошек выбрался из-за скалы и заозирался, выглядывая старика.

– Так иди сюда! – прогудело сверху.

Задрав голову, Катигорошек увидел вход в пещеру, в грозовом полумраке вспыхивающий багровыми сполохами огня, точно внутри пылал громадный, один на все племя, костер.

– Раньше вы меня сюда не пускали... – пригибаясь, чтоб не стукнуться о камни, он залез внутрь... и совершенно по-детски испуганно ойкнул.

Камни нависали над головой – пещерка была маленькой, двоим едва развернуться, и большую ее часть занимал сложенный из камней очаг, внутри которого, точно зверь в ловчей яме, ярилось и кидалось на стены невероятно яркое, какое-то... живое пламя, похожее и непохожее на пламя человеческих костров.

– Из-за огня-то все и случилось. – глухо проговорил Сварг. – На берегу я змея увидел, молодой совсем, мелкий... для их, для змеевой породы мелкий. То ли играл, то ли злился – пыхал огнем во все стороны, ярился... а я подкрался, да в горшке змеев огонь и унес. Еле до пещеры дотащил, через три обмотки все руки пожог. Как уж змей меня в том дыму да гари учуял, не ведаю, да, видать, за обиду посчитал. Пошел по следу. Нашел... не сразу, но нашел. На свою беду. В пещеру морду сунул...

Катигорошек оглянулся на вход. Он и сам-то едва протиснулся, а уж у змея, даже мелкого, только морда пролезет.

– Они ж людской облик принимать умеют. – прошептал парень.

– Прими он людской облик, тут мне конец бы и вышел. – согласился старик. – Да только не для повелителей это, облик ничтожных человек носить. Привыкли во всей силе и мощи... да в чешуе. А на глазах-то чешуи нет! – старик взмахнул странным ножом, точно вонзая его.

Катигорошек содрогнулся. Он ведь тоже... молодой. И наверное, тоже дурной. Как тот змей. Куда он собирается сунуть свою человечью морду?

– Выл змей страшно, рванулся, да застрял. Огнем дыхнуть хотел, им же и поперхнулся. А я все бил, бил... Страшно было. Страшно.

«Змею, наверное, тоже» – впервые подумал Катигорошек.

– Кровь его мне в лицо хлынула. – продолжал дядька. – По груди потекла, по плечам. С тех пор вот и не болею, хоть и старый уже. Как все кончилось, я в яму-то его и оттащил. Боялся по первости. А потом понял: даже если ищут его, так не среди людей. Никому и в голову не пришло, что человек может змея убить. А сам я не хвастал. – он криво усмехнулся. – А змиев огонь – вот он. Кормлю с тех пор, гляжу, чтоб не погас.

– Дядька Сварг... а зачем вам огонь-то змиев?

– Заради этого! – дядька Сварг махнул рукой. У очага с плененным огнем, рядом с выстроившимися рядом каменными молотами: большими настолько, что Катигорошек покоился на них с уважением, и другими, помельче, лежал ноздреватый кусок... чего-то.

– С неба упал, прямо тут, за скалой. Во-от такую яму вырыл: в ней-то я потом змея и прикопал. А грохоту от камня этого было, огня – куда там змею! – любовно поглаживая это самое что-то, сказал Сварг. – Так-то он твердый, едва кусок отколешь, а пламя чует. Костровый огонь для него слабоват, а в драконьем огне навроде жира берова течет, а в воде холодной твердеет. Из него-то я нож и сделал, которым змея убил. Железом назвал.

– Железо... – Катигорошек неуверенно положил руку на камень-с-неба. Бок у него был шершавый и на ощупь ни на что не похожий. Подумал... и руку убрал.

– А может, он... оно... тоже от змеев? – невольно обтирая ладонь об кожаную рубаху, предположил он. – Раз с неба...

– Думаешь, у змея из-под хвоста вывалилось? – бросил на него старик косой взгляд. – Ты мамку свою спроси, она про змеевы хвосты все-е знает. А вот еще гляди... – не обращая внимания на хмурящегося парня, старик принялся приматывать нож к жердине, не переставая прислушаться к раскатам грома... и вдруг сиганул из пещеры, будто гнался за ним кто.

– Дядька, вы куда? – растерянный Катигорошек кинулся за ним.

Дядька с размаху воткнул жердь с ножом посреди поляны – и заячьим скоком ринлся прочь.

– Ложись! – рявкнул он и подшиб Катигорошка под колени, рухнул сам.

Насаженный на жердь клинок хищно уставился в небо – и точно оскорбленная этим вызовом, грозовая туча метнула вниз извилистый пучок небесных игл. Точно сверкающая когтистая лапа сомкнулась на темном ноже – раз, другой и третий. Небесные иглы срывались раз за разом, снова и снова находя темный нож. Трескучие искры плясали по поляне, пахло остро и странно. Шипя, золотая огненная змейка побежала по древку. Запахло паленым – и жердину охватило пламя, пожирая мокрое дерево и нещадно чадя.

– Видал? – перекикивая раскатистый небесный хохот, проорал Сварг.

– Дядька Сварг, вы сделаете мне такой нож? – парень вцепляясь в старика обеими руками. – Чтоб я мог сразиться со змеем!

– Вот же дурень! – дядька поволок парня обратно в пещеру. – На, утрись! – бросил мягкую шкурку. Рядом с драконовым огнем от промокшей насквозь рубахи повалил пар. – Нож ему... А летать ты умеешь? Или на дерево залезешь, чтоб змею в глаз попасть? Да и с чего ему с тобой драться? Прибьет издаля и все! Это если ты до него доберешься мимо слуг змеевых. А и убьешь – неужто змееныши тебя выпустят? Их ведь шестеро на тебя одного. Тебя прибьют – в племя явятся, вот и не станет племени. Об этом ты подумал?

– Что ж делать, дядька Сварг? – жалобно протянул парень.

– Вижу, не думал. А я вот думал и много, после того, что сталося, других змеев в гости ожидаючи. Перво-наперво, ты вот чего понять должен. – Сварг уселся на теплый от огня пол напротив Катигорошка. – Я тебе с самого начала правду сказал, не солгал: сражаться со змеем нельзя. Вот с бером же ты не сражаешься...

– Почему не сражаюсь? – перебил дядьку Катигорошек. – Я ему ка-ак кулаком в морду саданул, тут его и повело, а я снова – да двумя по загривку! Только вот душить его в драке тяжело – шея-то какая, да шкура, руками и не обхватишь! – пожаловался парень. – Проще свернуть.

Дядька аж налился краской от гнева:

– Вот же... змеева кровь! Обычные люди с бером драться не могут, а ты супротив змея даже помельче будешь! Со змеем нельзя сражаться... – дядька наставительно поднял скрюченный узловатый палец. – ...но на змея можно охотиться!

– Куда прешь? А ну с дороги! – передок тачки едва не врезался в зад шагающему по дороге парню. Тот шарахнулся в сторону, чуть не поскользнувшись на гладком, точно спекшемся покрытии дороги. – Вот же... – толкающий тачку мужичок презрительно глянул в почти детскую, курносую физиономию с приоткрытым от изумления ртом и широко распахнутыми глазами, тут же оценил рост и ширину плеч, и дальше высказываться не стал. Грузенная тачка прокатилась мимо.

Катигорошек поглядел вслед хитрой придумке – надо же, всего-то гладкое полешко на кругляши распилил, а подспорье какое! – нагнулся поднять выпавшее крутобокое яблоко...

– Поберегись!

Новый крик заставил шарахнуться опять, мимо с грохотом пронесся чудной зверь-конь – на его спине подпрыгивал кудлатый малец – и судя по шевелящимся губам и очередному презрительному взгляду тоже честил Катигорошка. Парень торопливо отшагнул еще дальше и пошел уже по самой обочине гладкой черной дороги, то и дело черпая плетеными лаптями пыль, и не переставая вертеть головой. А мимо него с грохотом, топотом, шумом и смехом валила толпа: он и не думал даже, что столько людей на всем свете есть, сколько здесь, поблизу Змеева Капища обретается! И шибко несчастными они не казались: озабоченными, задумчивыми, иной раз опечаленными, порой – радостными. И одеты получше, чем в стойбище, и еды всяко поболее, вона за обочиной стебли гороха поднимаются. Гороху Катигорошек поклонился – хоть не от добра дали ему прозвание, а все ж оно – его.

За обочиной тоже было на что поглядеть: множество мужиков медленно двигались вдоль дороги, то и дело останавливаясь и глубоко втыкая в землю палки. Следующие за ними бабы сыпали в ямки зерно. Один такой мужик прошел совсем близко... и Катигорошек увидел, что ноги его спутаны крепкими кожаными ремнями, позволяющими делать только маленькие шажочки. Точно такие же путы стягивали ноги баб.

Катигорошек протянул руку... и выхватил из катящей мимо толпы подростка чуть моложе чем он сам.

– Эй,пусти! Ты чего делаешь, гребень съехал? – длинные ноги мальчишки скребли землю.

– У меня нет гребня, я ж не змей. Это кто такие? – Катигорошек приподнял его, словно боялся, что мальчишка не разглядит двигающихся по черному полю сеятелей.

– Чего? Эти? Ну ты и стойбищный! – от встряхивания зубы мальчишки звучно лязгнули, и он заторопился. – Ладно, ладно... Змеевы работники это, которых со стойбищ набирают. – и не удержался. – Стойбищные они. А теперь – змиевы.

– А чего связаны?

– А как их иначе работать заставить? – искренне удивился мальчишка.

– Понятно... – протянул Катигорошек и словно отпуская рыбину в реку, вернул мальчишку обратно в текущую мимо толпу.

– Чего тебе понятно, чего? – вслед бредущему прочь Катигорошку обиженно крикнул тот. – Такой же дурной, как и эти вот! У-у, громила! Вот ты еще змеевым слугам попадешься!

Не оглядываясь на крики, Катигорошек шел дальше. Поля, разделенные тоненькими ниточками заполненных водой канавок – словно синими жилками под кожей у девицы – сменились наскоро состроенными хижинами, а то и добротными срубами. А посередь широко раскинувшегося поселения возвышалось оно – Змеево Капище! Катигорошек снова застыл как зачарованный. Капище казалось нагромождением камней, словно б некий великан собрал валуны в горсть да высыпал их прям посередь степи! Не простые валуны: ни одного не касалась людская рука, но все они имели свою, особую форму. Одни смахивали на черепаху, вроде тех, что в заводях живут, только громадную, другие были точно раздувшаяся жаба, или жаба, изготавившаяся к прыжку. Но больше всего змеев: каменные змеиные головы точно выглядывали меж иных камней, каменные тела обвивались вокруг Капища, струились вверх и вниз по

склонам. А у самой вершины дремал крылатый змей: Катигорошек видел прикрытые каменные веки, увенчанную царственным гребнем треугольную голову, сложенные крылья³...

– Чего встал! – сильный толчок в спину заставил Катигорошка пошатнуться, он стремительно развернулся, так что котомка на плечах аж подпрыгнула.

Нисколько не впечатленные ни его ростом, ни широкими плечами на него скупающе глядели двое змеевых слуг – рубахи их стягивали живые чешуйчатые пояса.

– Не гневайтесь на мальчика, почтенный друг. – окидывая Катигорошка веселым взглядом, сказал один. – Понятно же, что такого он никогда не видывал – дайте парнишке наглядеться.

– Нечего загораживать дорогу. По мне, нечего здесь стойбищным делать, ежели, конечно, их не привели в путах для исполнения должных работ. Эй, ты! Зачем явился?

– Топор... менять... – пробормотал Катигорошек – ярость, горячая как вар с огня, захлестнула горло, заставляя давиться словами и стискивать кулаки, чтоб не кинуться на этих... этих... Да как... они... посмели?

– Зачем же так жестко, вы его пугаете. – мягко пожурил первый и потрепал Катигорошка по плечу, точно и впрямь испуганного зверька. – Топоры – там! – громко, как глухому, прокричал он и для наглядности потыкал пальцем в кипящее неподалеку торжище. – Третий ряд! Третий, понял? Раз... два... три... – разжимая пальцы по одному, повторил он и всеми тремя потыкал в Катигорошка. – Иди, иди!

Заставить себя поклониться было... невыносимо. Катигорошку казалось, что из головы у него выросла третья, невидимая рука, уперлась ему в затылок и надавила, заставляя согнуться. А спина аж скрипела, как у старого деда, так не хотела!

– Благодарствую змеевым слугам.

– Мальчик, запомни, надо говорить: да будет крыло Повелителя над вами! – наставительно заметил первый.

И уже за спиной Катигорошек услышал ворчание второго:

– Его не вежеству надо учить, а попытать из какого стойбища. Да узнать после, кто из змеевых слуг у них подать собирает и почему эдакий громила еще не на строительстве Змеевых валов.

Катигорошек прибавил ходу, норовя поскорее очутиться в бурлящей толпе торжища: соврать чего не выйдет, он ведь никогда не бывал в ином стойбище, кроме собственного, а встречи со «своим» змеевым слугой ему сейчас только и доставало!

Парень споро зашагал между растущих прямо из земли широких прилавков с разложенными на них товарами... и понял, что змеевы слуги – еще не страх, самый страх – вот он!

– Подходи – налетай, топор на мед меняй! Нету меда? – перегнувшийся через прилавок человек вцепился ему в руку. – А чего есть? Туес берова жира – и топор твой! Гляди, какой! В своем стойбище такого, небось, не видал!

– Не видал. – согласился Катигорошко. Такой топор дядька Сварг не то что в стойбище на обмен – в помойную яму кинуть постыдился бы. – За эдакое – жир тебе? Гнилой рыбешки много!

– Ты погляди на него, погляди! Приперся тут, топоры мои ему не нравятся!

– Твои топоры никому не нравятся! А вот иди сюда, паря: топорики ладные, складные, на руку ухватистые – да почти змеевой работы, хоть руби ими, хоть коли! Кажи, что в мешке есть – не обижу!

«Посмотрел бы я на твою рожу, кабы ты увидел, что у меня в мешке!» – Катигорошек попятился, тут же врезавшись в прилавок напротив.

³ Каменная Могила, историко-природный заповедник, Запорожская обл.

– Ты чего толкаисси!? Все мне тут разгромил, раскидал, купи скребок, а то стражу кликну!

От визгливой тетки Катигорошек шарахнулся еще дальше. Почти бегом кинулся меж рядами: от пронзительных голосов звенело в ушах, крики ввинчивались в голову подобно каменному сверлу, а от вида скребков, топоров и проколов... хотелось оторвать местным мастерам руки!

Отблеск полированного черного камня невольно заставил остановиться, хотя еще совсем недавно Катигорошек мечтал только проскочить ряд побыстрее. Почитай, у самого выхода, на отлично выскобленной оленьей шкуре, на гладком мехе были разложены маленькие, будто под детскую или женскую руку топорики, наконечники копий, скребки – никакой кости, лишь камень, гладкий, точно на его полировку весь песок реки извели! Катигорошек невольно потянулся: топорик терялся в его ладони, но его все равно хотелось взять в руку, погладить, как малого зверька. Он вскинул голову – и увидел по ту сторону прилавка задорно улыбающуюся девушку его лет или чуть помладше.

– Ты за топором сюда пришел, или на девок лыбиться? – немедленно возмутились от соседнего прилавка.

– А ты не завидуй! – тут же оборвали с другой стороны. – Парень крепкий, дева ладная, чего им друг другу не поулыбаться?

– Я не улыбаться! – немедленно отсекся Катигорошек, тем паче, что девчонка и впрямь была... ладная. Прямо как... как бадейка, что дядька Сварг делал: крепенькая, бокастая, щечки круглые. – Мне и впрямь топор нужен.

– Что ж ты, плакать над тем топором будешь?! – лукаво усмехнулась девчонка.

Катигорошек сперва растерялся, а потом захохотал.

– Ну вот, а обещал не улыбаться! – притворно возмутилась девчонка, а он развеселился еще больше.

– Над некоторыми топорами здесь только ревмя и реветь, а твои не такие. И впрямь, почитай, змиева работа! – похвалил он, поглаживая неловкий скол на камне да заметную щербинку, а девчонка на его слова весело рассмеялась.

– Тихо вы, дурни! – вдруг прошипели сбоку и Катигорошек понял, что только их с девчонкой голоса звонко разносятся по смолкшему, словно враз вымершему торжищу. Да еще мягкое постукивание копыт нарушало эту тишину. А потом люди начали склоняться, точно их срезал невидимый нож...

Катигорошек залюбовался шестеркой коней: звери эти стали самой большой его радостью в Змеевом Капище... нет, уже не самой – он покосился на девчонку, и тут же нахмурилась. Та тоже глазела, только не на коней, а на всадников. Кони были хороши – высокие, мощные, с широкой грудью, да длинными гривами – и всадники как на подбор. Одинаково темноволосые, стройные, в сравнении с Катигорошком они должны бы казаться узкоплечими и мелкими, но от всей шестерки веяло такой несокрушимой уверенностью, что парень вдруг почувствовал желание согнуть плечи, а то и присесть, чтоб не торчать орясиной бестолковой рядом с этими красавцами. Чего ж тут изумляться, что и девица на них глядит?

Старший из всадников лениво повернул голову и пронзительными, темными как ночь глазами уставился на застывшего у разложенных топоров Катигорошка – и перевел взгляд на девушку. Губы его растянулись в длинной и холодной, совершенно змеиной усмешке.

– Фрррр! – белый, как облако, конь чуть не вплотную прошелся рядом с Катигорошком, скосил на парня лиловый глаз. Всадник на Катигорошка не глядел: перегнувшись со спины коня он тонкими пальцами взял девчонку за подбородок и поднял ей голову, заставив смотреть на себя. Та и уставилась – широко распахнутыми глазами цвета ореха.

– Миленькая. – всадник покрутил ее голову туда-сюда – так вертят приглянувшуюся вещь.

– И то! – согласился его товарищ на рыжем как пламя жеребце. – Мне тоже глянулась – прям наливное яблочко!

– Обойдешься. – не оглядываясь, бросил старший. – Я первый ее увидел. Прыгай сюда, девчонка! – он протянул руку.

– Не хочу. – девушка попятилась, все также не сводя с него прямого, вовсе не испуганного взгляда. – Я вольная.

– Слышал, Змееслав? Ей я больше понравился! – захохотал другой змеев сын.

– Что все вам, да вам? Я, может, тоже хочу. – вмешался третий, на коне черном как ночь.

– Змееполк... Змеедар... Умолкните. Оба. – тяжело обронил старший.

– Братья, не ссорьтесь! – вмешался самый молодой из шестерки.

– Братец Змеемир, вечный примиритель. – скривился Змеедар, но подал своего вороного назад.

– Девочка, все вы здесь вольные... – подавив бунт братьев старший Змееслав вновь повернулся к девушке. – ...пока не зандобитесь отцу нашему и Повелителю Змею.

Девушка зябко повела плечами – словно испугалась.

– Или в его отсутствие – нам, его змеенышам. Здесь мы хозяева, а ты вольна решать только одно: в пояс нам кланяться, или земно, благодаря за милость.

– Я не благодарна. – обронила девушка и отступила еще дальше.

– А девчонка-то тебя в пень не ставит, братец Змееслав! – радостно осклабился Змееполк. – Да отдай ты уже ее мне, тебе с ней не справиться!

– Я сказал – молчать! – рев старшего змееныша был силен, словно здесь вдруг оказался его крылатый отец. Рыжий конь под Змееполком присел, едва не припадая на колени, сам Змееполк вцепился в гриву, а уж люди, успевшие трижды пожалеть, что вовсе вылезли нынче из дому да отправились на торжище, залегли под лавками. Струя воды хлестнула с рук Змееслава, снеся брата со спины коня, подбросила того в воздух, и растопырившийся, как лягушка, второй змеев сын ударился оземь.

– Из-за тебя я поссорился с братом! – Змееслав повернулся к девчонке. – Ты заплатишь мне за это, человечка! – и он перевесился с коня еще дальше, ухватил слабо пискнувшую девушку за ворот, и потянул к себе...

Катигорошек рванул его за плечо. Змееслава опрокинуло на лавку меж рассыпавшихся скребков. Змееныш даже не сопротивлялся: когда над ним нависла курносая физиономия, он успел лишь удивиться: человек остался на ногах после его рева, которого и братья не выдерживали. Он почувствовал руку на горле... А потом вспыхнула лютая боль – каменная проколка вонзилась ему в плечо, пробивая мясо и кости и прищипливая к деревянному полотну лавки! Змееслав заорал... вторая проколка прошила другое плечо. Змеев сын завыл...

– Давай ко мне! – заорал девчонке Катигорошек, прыжком взмывая на спину белоснежному Змееславу коню.

Конь заржал, вскинулся на дыбы...

– Аааа-а! – отчаянно вертящий руками Катигорошек съехал по крупу и шмякнулся спиной об землю. Острая боль прошила крестец. Рядом ударили копыта и неистово ржущий конь помчался прочь.

– Змееныша так ты носил! А меня бросил! – обиженно простонал Катигорошек вслед коню – его мечта, его белое диво, задрав пышный хвост, неслось галопом – судя по воплю, проскакав по распростертому на земле Змееполку.

– Убилиииии! – разнесся над рынком заполошный вопль. – Господина Змееслава убили! Змееполка задавили!

– Убилииии! – тут же откликнулись издалека. – Всех змеенышей перерезалииии!

– Бей человека! – над Катигорошком воздвигся вороной конь, Змеедар выхватил топор – темный полированный камень сверкнул на солнце.

Рыжий конь Змееполка махнул через лавку, грудью ударил Змеедарова вороного, заплясал, едва не пробив копытом Катигорошку голову.

– Что разлегся? Устал сильно? – взвизгнула цепко, как клещ, сидящая на коне девчонка.

Катигорошек и сам не понял, что за сила подхватила его с земли – в мгновение ока он вскочил и запрыгнул на круп коня, обеими руками обхватив девушку за пояс.

– Эй, руки приberi! – она рывком за гриву развернула коня.

– За что ж мне держаться?

– За воздух! – девчонка ударила коня пятками. Конь прыгнул вперед – копыто толкнулось в мягкое, снова крик – сдается, Змееполку опять досталось.

– Аа-а-а! – Катигорошек почувствовал, как конский круп под ним поднимается... поднимается... его подкинуло, толкнуло в зад, зубы лязгнули, рот наполнился кровью – конь сиганул через соседний прилавок. – А! А! А! – и понесся через торжище, перемахивая прилавок за прилавком, заставляя Катигорошка то взмывать в воздух, то снова падать на жесткий лошадиный круп и судорожно цепляться за плечи припавшей к гриве девушки.

– Лови их! – сзади затопотали копыта.

Конь вымахнул с торжища и помчался по черной дороге.

– Стой! Вы чё творите? А-а-а! – народ порскнул из-под копыт.

– Держииии! Волей Повелителя! – топот нарастал за спиной.

Какой-то мужик толкнул тачку наперерез беглецам. Тачка завалилась набок, рассыпав по дороге глиняные горшки – девушка ударила коня пятками. Конь протестующее всхрапнул и перескочил препятствие: глина захрустела под копытами.

– Хватай их! – топот стал ближе.

– Ааййй! – дорога вдруг покрылась льдом, разогнавшегося коня завертело, пронзительно заверещала цепляющаяся за гриву девчонка...

Перед глазами Катигорошка все закрутилось: приближающаяся погоня то появлялась, то исчезала. Катигорошек отчетливо видел усмешку на губах несущегося впереди всадника на вороном коне – медленно-медленно, точно издеваясь, тот отводил руку с топором для броска.

«Третий змееныш, Змеедар! Ему моя девица тоже занадобилась!» – себя Катигорошек не видел, но его губы растянулись в змеиной ледяной усмешке, делая его невероятно похожим на захмелевшего от погони врага.

Коня вынесло со льда на дорогу... Вертящийся топор мелькнул в воздухе... Катигорошек перехватил его на лету и отправил обратно.

– Давай, миленький, давай! Ну же, мой хороший! – чуть не плача, просила девчонка, дергая коня за пряди рыжей гривы. Рыжий конь шумно выдохнул и... снова сорвался в галоп.

Катигорошек оглянулся: вороной конь продолжал скакать за ними, но на спине его уже не было седока. Мчащиеся следом братья-змееныши подняли коней, перемахивая через слабо шевелящееся на дороге тело.

– Мы не туда скачем! – над ухом девчонке проорал Катигорошек.

– А что – мы скачем куда-то? – прокричала она в ответ.

– Да! Туда правь! Вон туда!

Рыжий конь слетел с дороги и пошел по вскопанным полям. Катигорошек в ужасе зажмурился – копытом в яму и рыжий красавец полетит кубарем, ломая себе шею! Да и им не поздоровится! Но конь, чудо рыжее, шел как по ровному! Дубовая роща, остров тени посреди залитой солнцем степи, приближалась. Катигорошек оглянулся – трое змеенышей горячили коней, неуклонно догоняя обремененного двойным грузом рыжего скакуна.

– Прыгай! – Катигорошек обхватил девчонку за талию и вместе с ней свалился со спины коня. Перекатился по земле, прикрывая ее собственным телом. – К роще беги! К роще! – вздергивая девушку на ноги, велел он.

Та – вот умница-то! – и не подумала спорить. Подхватила и кинулась под деревья – только пятки засверкали!

– У-лю-лю-лю! – заорали несущиеся на него всадники. Конные громадины надвигались ближе... ближе... Совсем близко к одинокому человеку, застывшему на краю рощицы, даже не пытаясь укрыться среди деревьев – видно, понял, что бежать некуда. Сейчас они скрутят его, потом отловят девку. Убивать не станут, не сейчас: трое старших захотят, чтобы обидчики как должно ответили за унижение змеевой крови!

– Держи его! – двое так и оставшихся безымянными змеенышей обогнали третьего... и на полном скаку сиганули с коней на врага!

Катигорошек отступил на шаг. Земля ринулась змеенышам навстречу и те грянулись в нее всей тяжестью и... словно жадный рот распахнулся, заглатывая обоих в один прием!

– А-а-а-а! – скрывающая ямину земляная «корка» рассыпалась и оба змееныша рухнули вниз. Из глубины раздался удар – и дружный стон.

Катигорошек метнулся в рощу и громадный валун выкатился из-под деревьев, в мгновение ока накрыв отверстие.

Последний, отставший от братьев змееныш рванул коня за гриву, развернул на задних копытах – и поскакал прочь. Змеемир и впрямь не любил драк.

Выскочившая из рощи девчонка размахнулась... и круглый окатыш свистнул в воздухе, долбанув удирающего змееныша по затылку. Змеемир рухнул с коня.

– Зачем? – Катигорошек бросился к поверженному врагу. – Я хотел, чтоб он змея привел!

– Змей и так почует где... четыре его сына. – бросила она.

Катигорошек замер, ухватив слабо стонущего Змеемира за шкуру.

– Откуда... знаешь? – хрипло спросил он.

– Догадалась. – хмыкнула девчонка и негромко добавила. – Догадаться-то и не сложно было. Погоди! – она размотала с пояса плетеную из толстых волокон веревку и принялась вязать змеенышу руки. – Эта веревка и самого змея удержит! – затягивая узел пропыхтела она. Подняла голову... – Только если ты змеев сын, странно ты с братьями да отцом знакомишься.

– До змеенышей мне дела нет, лишь бы не мешались, а со змеем я знакомиться не собираюсь! Добрые люди с покойниками не знают! – Катигорошек поволок спутанного змееныша к роще.

– Ишь ты! – девушка догнала его, пытливо заглянула в лицо. – И за что ты своего отца прибить хочешь?

– Не отец мне этот гад! А прибить... уж ты бы не спрашивала! Разве не тебя они хотели забрать как... как найденную на дороге вещь?

– Меня, конечно, жалко. – серьезно согласилась девчонка. – Только что будут все те люди делать... – она кивнула в сторону дороги и оставшегося за ней Змеева Капища. – ...когда ты их властителя убьешь? – и ворчливо добавила. – Если убьешь.

– Убью. – мрачно набычился Катигорошек. – А делать что будут? В стойбища свои вернутся!

– Думаешь, захотят?

– Я об этом вовсе не думал! – залихватски тряхнул чубом он.

– А надо! – зло фыркнула девчонка.

Приваливший яму валун захрустел и подернулся изморозью. Катигорошек вскочил:

– Не вылезли бы...

– Не вылезут. – равнодушно бросила девушка. – У старших сыновей здешнего змея водного дара огрызок, а младшие так и вовсе едва воду в жару охладить могут. Тебе-то каким манером дар земли достался?

– Нету у меня никакого дара. – на всякий случай Катигорошек уселся на валун сверху.

– А ничего так, прохладненько... – валун вновь подернулся изморозью, девчонка уселась рядом. – Яму ты как вырыл? И камень притащил? Я, чтоб ты знал, в этой роще третьего дня ночевала, прежде чем на Капище идти – никакого валуна тут не было!

– Прикатил я его. А яму вырыл. Вот этим. – Катигорошек наклонился и вытащил из травы копалку.

– Вырыл. – повторила девушка, разглядывая плоскую копалку. – Этим. Яму, в которую поймал змеенышей.

– Я сильный. – смущенно повел проглядывающим сквозь разорванную рубашу плечом Катигорошек. – И упорный. Очень-очень сильный. А упорный еще пуше.

– Сильный. – снова повторила она. – Сильным много есть надо. Будешь? – она запустила руку в торбочку на поясе и вытащила ячменную лепешку. – Чтоб не наедаться перед боем, а так... силы поддержать. И давай рубашу, что ли, зашью. А то негоже на бой со змеем оборвышем вставать.

– Благодарствую. – Катигорошек, у которого уже брюхо сводило от голода, впился в лепешку зубами, искоса поглядывая на мудрящую над его рубашкой девицу. Никто и никогда не заботился о нем так, разве что мамка. – Как тебя хоть звать, красавица?

– Нашел красавицу! П... – девушка замешкалась, перекусывая стягивающую прореху оленью жилку зубами. – Пеночкой кличь.

– Тебе подходит! – засмеялся он – сидящая на валуне девушка и впрямь походила на пушистую птичку. – А я Катигорошек. Пойдешь за меня?

– Чучело ты... гороховое! Ты со змеем сражаться собрался! – Пеночка чуть не подавилась.

– Так я ж не говорю прям сейчас! Можно даже не сразу после змея! На конях до стойбища недалеко. – коней, особенно рыжего, Катигорошек оставлять не собирался, как и девчонку. Нечего им в змеевой земле делать. – Хочешь, до Купала погодим, вдвоем через летний костер прыгнем. У нас в стойбище знаешь, какой костер разжигают? У-у-у, до самого нижнего неба! – и тут же прикусил губу: только вот его на купальский огонь никогда не кликали, а если и Пеночку соплеменники неладно встретят?

– Что я буду делать в твоём стойбище? – возмутилась девчонка – похоже, и она не рвалась в племя. – А еще и кони! Они ж у вас в лесу ноги переломают.

А и правда! Катигорошка тягостно задумался.

– Чего ж тогда делать?

– Ты – мужик, вот и думай, чего девице предложить. – бросая ему зашитую рубашку, лукаво улыбнулась Пеночка. – Как раз будет у тебя время подумать. Вон он, твой змей, летит. – очень буднично закончила она.

Над Змеевым Капищем вставала крылатая тень.

Весло в сильных руках гнало лодку поперек стремнины. Река была спокойна, но обшитая корой лодчонка подпрыгивала даже на легкой зыби. Вот ее закрутило, понесло, но старый Сварг взмахнул веслом раз, другой и лодчонку вынесло на поросший травой берег. Застывшая на носу мать выбралась, стараясь не качнуть лодку.

– Может, скажешь, что вы с моим сыном затеяли? – не оглядываясь, спросила она.

– Даже Ведающей не все надо ведать. – с легкой насмешкой отозвался старый Сварг. – Просто помоги своему сыну. На, возьми! – он протянул ей тускло блеснувший нож.

Мать с любопытством поскребла пальцем клинок, порезалась, сунула палец в рот... Сварг тихонько хмыкнул. Она поглядела на него укоризненно, заткнула нож за пояс, поддернула лямки котомки и двинулась вглубь острова. Сварг остался стоять, глядя ей вслед.

Сперва мать вышла на круглую поляну. Села на землю, подогнув ноги, и закрыла глаза. Наконец, земно поклонилась, пробормотав:

– Матушка Макошь, помоги исполнить волю твою, дело мое. – встала и направилась дальше. В этот раз шла она долго, петляя лесными тропками, наконец выбралась к неширокой затоке, покрытой крупными зелеными листьями с ярко-желтыми кувшинками. Растянула завязки котомки и разложила на берегу длинную, до пят, рубаху из тонкой кожи, всю сплошь расшитую сложными узорами. – Как учит нас Макошь Матушка, все девки до тряпок падкие. – она отступила под прикрытие кустов, и уже оттуда размахнулась – бросила камень в заводь.

– Квак! Квак-квак! – лягушки, что градины, сыпанули с кувшинковых листьев в воду. Некоторое время все было тихо, потом вода у берега колыхнулась и на траву выползла огромная, ярко-зеленая жаба. Посидела, пялясь лупатыми глазами на рубаху, потрогала перепончатой лапой... миг, и шкура сползла, мягко плюхнувшись в траву, а окутанная светлым облаком волос девица подскочила к рубахе с радостным писком, похожим на кваканье, завертела в руках... и сунула голову в прорезь. Рубаха скользнула по ее поднятым рукам, девица крутанулась, норовя разглядеть себя со всех сторон... и замерла, совершенно по-жабьи выпучив глаза.

Темный клинок в руках матери нацелился на растянутую между ее пальцами жабую кожу.

– Верну. – прежде, чем девушка-жаба успела хоть квакнуть, ровно сказал мать. – И рубаху забереешь. Только дар отдарком хорош. Давай, жабыя владычица, вели своим зеленым наквакать грозу для моего сына!

Дохнуло ледяным холодом. Казалось, воздух крошился как песчаник, забивая глаза и горло ледяной крошкой. Непроницаемая, глубокая тень накрыла степь и рощу – наверху плеснули крылья и их удары об воздух были как гром... удар, второй, третий... Громыкнуло еще раз, содрогнулась земля, заставив Катигорошка покачнуться... и когтистые лапы змея вонзились в сухую землю. Ударили крылья, гоня в лицо холодный ветер и удушливую мелкую пыль. Катигорошек пригнулся, судорожно кашляя. Сквозь пылевую завесу снова плеснули крылья и из облака высунулась голова на длинной чешуйчатой шее. А потом облако начало расползаться, открывая змея во всей красе. Катигорошек невольно облизнул враз пересохшие губы: он знал, что здешний Повелитель будет больше, много больше прикопанного дядькой Сваргом мелкого змееныша, но... одно дело знать, а другое – когда чешуйчатая громадина цвета речной глины возвышается над тобой и тянет, тянет ноздрями воздух, приносясь к стоящему напротив человеку и самого Катигорошка тянуло, как в воронку водоворота, в эти громадные ноздри.

– Кто... ты... такой? – вдруг проревел змей.

Страшным усилием Катигорошек унял дрожь в коленках и даже плечи расправил. Сейчас ответит, уверенно и звонко: «Смерть твоя!» Даже рот открыл... и закашлялся. А вдруг не прибьет? Как наяву представился собственный труп в пыли и презрительно сплевывающий змий: «А еще хвастал: смерть твоя... смерть твоя...».

– Я... это... – Катигорошек смущенно переступил с ноги на ногу: ежели заранее заготовленные слова теперь сдаются дурным хвастовством – чего говорить-то?

Змей высунул язык – парень отклонился, подозрительно следя за шевелящимся у самого лица раздвоенным кончиком. Змей захотел, едва не приседая на шипастый хвост.

– Не знал. – прогрохотал он. – Что у меня семь сыновей, а не шесть. Зссссабавно... Сколько ж тебе всссен, змееныш? Три полные руки? Больше? Четырех рук еще нет, хоть ты и рослый для человека. Ссссовсем на братьев не похож. Кем ж была твоя мать?

– Так много баб было, что уж и не вспомнить? – зло бросил Катигорошек. Змей мать не то что не искал – не вспоминал даже! Зачем тогда забирал, жизнь ей ломал?

– Захочешь, у тебя столько же будет. – щедро взмахнул крылом змей. – После того, как понесешь наказание, конечно же.

– Какое еще... наказание?

– А как ты думал, змееныш? – пасть ящера растянула жуткая усмешка. – Напал на братьев... Решил показать, чего стоишь? А что трое из них тяжело ранены, и все торжище гудит

как человек победил змеенышей? Понимаешь, скольких полезных человечков мне придется казнить, чтоб вновь научить уважать змееву кровь? Не понимаешь... Ничего, боль – лучший учитель. – и змей снова шагнул к нему, огромная голова потянулась к лицу Катигорошка.

– Да кто ты такой, чтоб меня наказывать? – рука парня судорожно на шаривала что-то за спиной... Рывок! Котомка его обвисла тряпочкой и в руке у парня оказалась здоровенная булава с тусклым навершием, ошетилившаяся такими же тусклыми шипами.

«Поглядим чего стоит Сваргово железо против змея. Лишь бы Пеночка послушалась да удрать успела.» – подумал Катигорошек, шагнул вперед... и со всей силы шарахнул змея булавой по башке.

Змей громко клацнул челюстями, и тут же взревел, тряся укушенным языком:

– Ты чего... делаешь?

– Бить тебя буду! До смерти! – в ярости заорал Катигорошек, шарахая булавой снова. Змей завалился на хвост, вытянул голову на длинной шее, мгновенно оказавшись выше Катигорошка. Хлестнул шипастый хвост.

Катигорошку точно сосной поперек груди приложило. Его подкинуло в воздух, перенесло через закрывающий ловушку на змеенышей валун и он кубарем покатился по земле. Захрипел от раздирающей груди боли. Сверху снова упала черная тень – змей надвигался на него. Катигорошек заставил себя вскочить – и нырнул в рощу.

– А ну, стой! – рявкнул вслед змей. – Почему я должен ловить этого наглого змееныша? Вылезайте и займитесь, а о том, как вас шестерых разделал младший брат мы поговорим позже! – и змей размахнулся, чтоб толчком головы спихнуть валун с ямы...

В роще Катигорошек приложил булавой по заранее подрубленному дереву. Разросшийся на краю рощицы дуб качнулся – и рухнул змею на голову, защемя его бронированную шею между валуном и громадным, в три обхвата стволом. Змей взревел, а подскочивший Катигорошек снова врезал ему булавой. Глаза у змея сошлись в кучку. С яростным воплем парень снова воздел булаву... Змей распахнул пасть и кипящий пар ударил в Катигорошка. Парень перекатом ушел в сторону. Хрясь! Хрясь! Хрясь! – вылетевшие из пасти змея ледяные копы одно за другим вонзились в землю, нагоняя стремительно удирающего Катигорошка. Банг! Последнее копы с тонким звоном разлетелось о дубовую кору – Катигорошек снова нырнул в рощу.

– Аррррр! – разъяренный змей взрыл лапами землю, напряжился... Бабах! – толчок шеей, придавившее его дерево подбросило, и оно рухнуло на землю. – Арррр! – освободившийся змей, грудью ломая ветки, сунулся в рощу.

– Хрясь! – звонко тенькнула плетеная веревка и качнувшись на туго натянутых подвесах обтесанный ствол врезался змею в морду. Остро заточенный край вонзился в надглазье. Змей заревел снова – где-то вдалеке ему откликнулся протяжный громовой раскат. Рванулся, отчаянно затряс головой – заточенный кол вывалился из раны, на морду обильно хлынула кровь.

От удара змеевых крыл осыпалась листва – змей взмыл над рощей. Вылетевшая из густой кроны булава ударила его по лапе и снова канула в листву. Змей заревел и поджал подбитую лапу – на рощу, точно дождь, падали частые капли темной драконьей крови.

– Сссдохни, человечек! – из пасти змея посыпались мелкие ледяные лезвия. Острые кромки льдинок секли листву, точно выбривая деревья. Мгновение, и роща стояла голая, как в холода. Землю устилал сплошной ковер льда, перемешанный с измочаленной листвой – льдинки сверкали сквозь зелень. И никого. Парня не было.

Змей взмыл вверх, оглядывая степь: рядом тянулась опустевшая дорога, вдалеке возвышалось Капище. Сложил крылья и гибко скользнул меж деревьев. Лед захрустел под лапами...

– Рррраздаву! – хвост хлестнул по ледяному ковру – раз, другой... Брызги льда и облетевшие листья взмыли в воздух... протянутая у самой земли веревка упруго дернулась под ударом. Висящая вдоль ствола сеть развернулась будто фазаний хвост по весне и накрыла змею голову!

Тающие ледышки разлетелись во все стороны – метнувшись из прокопанного меж корнями укрытия Катигорошек прыгнул змею на спину – и повис на болтающейся веревке, затягивая сеть вокруг головы змея, как обвязывают морды отловленным в лесу волчатам.

Только меж узлами волокон прятались железные шипы! Сеть затянулась, не давая змею разомкнуть пасть, а заточенные острия вонзились в морду – в веки, в губы, в язык! Змей едва успел зажмуриться, спасая глаза. Катигорошек замолотил булавой по обтянутой сетью голове, вгоняя шипы под чешую. Черная кровь хлынула потоком, полуослепший змей чудовищно заорал и взмахнул крыльями, напарываясь перепонками на обледеневшие ветви. Заорал снова, прогнул шею назад – толстая водная струя ударила в Катигорошка, смывая его со спины змея. Израненный змей грудью врезался в одно дерево, в другое, вырвался из рощи – и взмыл в быстро темнеющее небо. Уже совсем близко снова бахнул гром, дохнуло влажным, пахнущим грозой ветром.

Отчаянно цепляющийся за веревку Катигорошек повис под самой мордой змея. Ветер, поднятый крыльями змея, норовил снести прочь, далеко внизу промелькнула облетевшая роща, степь, черная дорога...

– Аррр! – змей перевернулся в воздухе – раз, другой, третий... Орущий Катигорошек оплел болтающуюся под змеевой мордой веревку руками и ногами. Змей заревел пуще, обдавая Катигорошка холодом и запахом реки, замотал мордой и наконец изогнулся – на фоне стремительно несущихся в небе темных грозовых облаков он казался чешуйчатым кольцом.

Змей шмякнул себя хвостом по морде. Чудовищный удар вдавил Катигорошка в чешую, чуть не выбив из него весь дух. Хвост размахнулся снова...

Катигорошек прыгнул. Пустота распахнулась внизу, распростертые змеевы крылья прошили над ним... Под тяжестью тела больно рвануло руки – Катигорошек ухватился за змееву лапу, повис, дергая ногами в воздухе и рискуя напороться на болтающуюся на ременной петле булаву. Подтянулся и уселся, обхватив жилистую чешуйчатую лапу ногами. И врезал булавой по ране на этой лапе. Змей снова заметался, пытаясь стряхнуть «наездника». Выгнулся – громадные зубы щелкнули совсем рядом с Катигорошком. Следующая попытка скусить его с лапы была встречена ударом булавы. Водяная струя ударила с силой тарана. Заорали оба: и хлестнувший по собственной лапе змей и оседлавший эту лапу Катигорошек.

– Давай еще! – прохрипел парень. – А то запылится я, освежиться не мешает!

– Ах ты ж... Сейчаасссс ты у меня еще большшше запылишшшься! – змей сложил крылья – и камнем рухнул вниз.

– Ааааа! – заорал Катигорошек, видя стремительно приближающуюся землю.

Удар был страшен – всей грудью змей врезался в вершину Змеева Капища. Катигорошек только и успел отцепиться от лапы – чудовищным толчком его отбросило прочь, он рухнул в провал между камнем-жабой и камнем-черепахой. Острые грани впились в спину, по разбитому телу прокатилось сперва оцепенение, потом острая, лишаящая сил боль. Катигорошек судорожно заскребся, пытаясь выбраться из расщелины.

На темном фоне грозового неба над ним возникла израненная змеева башка. Один глаз был залит кровью, во втором ярко вспыхнула нить золотого зрачка, раздвоенный язык затрепетал в пасти и змей довольно прошипел:

– Вссссс же у меня только шшшшшшш шесть сыновей... – зубастая пасть ринулась на Катигорошка...

– Аррррррр! – над степью прокатился протяжный змеев рев.

Рев другого змея.

Нависший над Катигорошком красный речной вскинул голову... и в этот миг Змеево Капище пришло в движение. Каменная черепаха заскрежетала, поднимаясь на каменные лапы и ее панцирь врезался змею в морду. Змеевы зубы сомкнулись, кроша песчаник, но тела каменных гадов заструились, и они ринулись на крылатого собрата со всех сторон. Их тела обматы-

вались вокруг хвоста и лап, каменные пасти рвали перепонки в клочья, вцеплялись в кончики крыльев, прижимая их к склонам Капища. Каменная гадюка, чья голова размерами не уступала змеевой, кинулась на него лоб в лоб – раздалось звонкое банг! Крылатый змей пошатнулся, а гадюка обвилась вокруг его шеи, стискивая горло в каменных кольцах.

Катигорошек, срывая ногти, вырвался из расщелины – тускло сверкнула валяющаяся рядом булава. Парень метнулся к ней, схватил, повернулся – и на краткий миг замер перед впаянным в Змеево Капище змеем. И в этот миг услышал, как у канавок на полях слаженным, громогласным хором орут лягушки.

Катигорошек вдавил булавой. Небо раскололось. Хлынул дождь, извилистые иглы молний вспороли тучи и... вонзились в булаву. Искристое пламя вспыхнуло над змеевым гребнем, раздулось в сверкающий шар, побежало по змееву хребту, завертелось брызжущим огненным вихрем вокруг Катигорошка. Воздвигшаяся над горизонтом громадная пылающая фигура замахнулась – за булавой потянулся хвост искр... И ударила змея раз, другой, третий... И с каждым ударом все громче и громче грохотал гром и вспышки молний вонзались в Змеево Капища точно пылающие ножи!

Гром ударил еще раз... и стих. Словно усталый охотник мешок с добычей, ветер поволок раздувшиеся тучи прочь. Богатырь с пылающей булавой в руках стоял над распростертым телом змея и молнии бежали по его плечам и путались в густых русых кудрях, венчая их сверкающим гребнем, похожим на змею. Змей не шевелился, лишь едва слышное сипение вырывалось из его пасти, готовое вот-вот затихнуть, смолкнуть навсегда. Человек приподнял булаву, заколебался на миг, точно раздумывая, наносить ли последний удар...

Раздался писк и крошка-змейчик, трепеща крылышками, закружил у его головы.

– Низко кланяюсь и покорнейше прошу прощения у нового Повелителя... – раздался из-за спины вкрадчивый голос.

– Ты! – Катигорошек обернулся, вскидывая булаву, снопы искр брызнули от него во все стороны, змейчик испуганно шархнулся.

– Кто ж еще? – тяжело вздохнул наезжавший в их стойбище змеев слуга. – Экие перуны-то от вас, господин – аж смотреть больно! – толстяк покачал головой, восторженно-деловито разглядывая трещащие вокруг Катигорошка молнии. – Осмелюсь сообщить, что... э-э, братья ваши, Змееслав да Змееполк, хоть и пораненные, а неугомонные. Укрепляются в своих домах, сзывают змееву стражу и уж объявили себя властителями Змеева Капища и окрестностей.

– Мне какое дело? – прохрипел Катигорошек.

– Может, такое, что все змеевы богатства принадлежать должны тому, кто к змеевой гибели руки приложил, а не кто к добру его первым потянулся? Или такое, что в окрестности Капища и лес с вашим стойбищем входит, так что ежели господин не хочет, чтоб по новой весне я за данью для змеенышей пришел... – змеев слуга выразительно развел руками.

Катигорошек поглядел на змея – из пасти его не вырывалось и вздоха. На всякий случай пнул тушу ногой... повернулся и зашагал к опоясывающему Капище торжищу и жилым срубам.

– Господин не забудет, что это я сказал про сговор проклятых змеенышей? – поддерживая прыгающее брюхо, со всех ног спешил за ним толстяк. – И первым предложил свою службу господину?

– Вот и послужи... – сквозь зубы процедил Катигорошек. – Найдешь мне девушку по имени Пеночка. Попросишь прийти ко мне – со всем почтением попросишь! Передашь... мне есть что предложить девице. И коней поймайте да успокойте! Испужались, бедные!

Оставив кланяющегося слугу, заторопился дальше. И долго еще у подножья Змеева Капища вспыхивали яркие искристые перуны и грохотал гром – не в небе, а под небом, ясным, будто умытым. А когда все закончилось и новый властитель в сопровождении тянувшейся хвостом процессии вернулся к камням...

– Сбежал! – от яростного вопля Катигорошка содрогнулись даже те, кто клялся, что всегда в него верил и изо всех сил помогал его делу избавления рода людского от змеища поганого. – Очухался, гад живучий, человеком, небось, перекинулся и уполз! Ищите! Он должен быть весь изранен, далеко не уйдет! Ищите везде! Обыщите каждый сруб! Каждую рошу! Ищите змея! И где, наконец, Пеночка?

Змей летел над рекой, чертя взмахами крыльев небо. Змей летел, волоча в когтях отчаянно извивающуюся и громко ругающуюся добычу. Сложив крылья, змей опустился на островок посреди реки – песочного цвета чешуя казалась почти невидимой на фоне прибрежного песка. Выпущенная из когтей добыча плюхнулась в воду и забила в прибое.

– Ты, креветка безмозглая! Как ты посмела! Отпусти меня немедленно! – орал опутанный веревками высокий, благообразный мужчина с красноватой, точно речная глина кожей. – Сейчас же! А то как выпутаюсь... я тебе крылья оторву, улитка безрогая!

– Не выпутаешься! – песочный змей встряхнулся... и на корточках рядом со связанным присела пухленькая, ладная девчонка с крепкими, как наливные яблочки щеками. – Это конопляная веревка, ее может развязать змеица, но не змей! А я не собираюсь тебя развязывать! С тобой тут поговорить желают. – девчонка широко развела руками: над водой вспыхнуло сияющее окно и на песок ступил огромный, коричневый как земля змей.

– Приветствую брата моего, Великого Дракона Земли Грэйл Глаурунга! – девчонка отвесила короткий, скорее воинский, поклон.

– И тебе привет, сестра моя Пан Лун, Хранительница Сокровищ! – пророкотал в ответ змей, склоняя увенчанную пышным султаном голову.

– Грэйл! Великий Грэйл Глаурунг! – завопил дергающийся в путах пленник.

– Аххха! – при виде связанного из пасти Грэйл Глаурунга вырвался пепел, как из жерла вулкана, и остров на реке заметно содрогнулся. – Вижу, ты добралась до него!

– Скажем так: я удачно воспользовалась обстоятельствами! – от улыбки на щеках Пан Лун заиграли ямочки.

– Вели сестре своей меня освободить! Сейчас же! Я буду жаловаться Великому Водному! Это произвол! Это... безобразие! – продолжал орать пленник.

– Тебе она тоже сестра – что ж ты ей не велишь? – насмешливо фыркнул Великий Земляной. – А безобразие, водный дракон Чэн-Тан Лун, это затребовать у змеев земли создать для тебя это твое... Капище. – чешуйчатая морда презрительно скривилась. – А все приношения человечков присвоить себе одному! Да еще за партию отличного каменного оружия не расплатиться! Огненные драконы тобой тоже недовольны – от выжженной ими дороги выгоды получаешь только ты! Нехорошо, водный. Тебе придется ответить перед Советом Великих Драконов и Матерью нашей Владычицей, да будет ее жажда справедливости столь же велика как велики были потери для сокровищницы земляных драконов!

– Да я... да вы... Это Пан Лун придется ответить! Это все она, да если бы не она...

– Конечно, это все она! – рассудительно кивнул Грэйл Глаурунг и аккуратно, стараясь не прикасаться к веревкам, подцепил сверток с пленником кончиком когтя. – Кому ж как не Хранительнице Сокровищ позаботиться о казне земляных драконов... и кому, как не ей ловить нарушителя! У тебя будет возможность подумать над своим поведением, Чэн-Тан Лун. Будешь зариться на чужое – плохо кончишь! – и зашвырнул истошно вопящего и протестующего пленника в сияющее окно.

– И еще, брат! – Пан Лун запустила руку в кошель на поясе. – Тут новая человечья придумка: не пойму, что это такое – не камень, и не дерево. Надо разобраться. – и сунула змею один из шипов с булавы Катигорошка. – А это скажи Матери нашей Владычице, чтоб разбросала по озерцам в драконьих садках. – она протянула целую горсть мелкой, ноздреватой темной крошки.

– Зачем? – зажимая подарок в кончике крыла, непонимающе спросил Великий Земляной.

– Чтоб молнию притянуло. – серьезно сообщила Пан Лун. – Нам пригодиться змей или змеечка с таким даром. – и девчонка снова превратилась в песочного цвета змеицу.

– Сама скажешь. – Грэйл Глаурунг отступил от переливающегося окна, предлагая сестре шагнуть в него, но Пан Лун вместо этого взмыла в воздух и зависла над головой брата, едва шевеля крыльями.

– Сама не смогу. Я пока тут останусь.

– Что ты выдумываешь? Что тебе делать в мире мелких человечков?

– Один такой меня замуж позвал... и он совсем не мелкий. Скорее даже крупный. И бедовый!

– Панька, что за чешуйня! Какой-такой замуж? Ты змеица и...

– И среди змеев для меня жениха нет. – перебила его Пан Лун. – Что ж мне, до веку за порядком в Пещерах Земли следить – и все? Да и здешнее Змеево Капище – это, я скажу тебе, настоящее сокровище. Обязательно надо сохранить!

– Панечка, ну как же... – растерянно забормотал только что такой величественный Земляной. – Ты что же... не вернешься?

– Что ты, братик! – она погладила брата крылом по голове. – Конечно же, я вернусь! Век веков не так и долг – ты у себя в пещере и грязью толком зарости не успеешь! А пока что... – она взмыла в воздух и стрелой понеслась к берегу. – Тут меня зовут Пеночкой!

Долбленные лодки ткнулись в травяной берег острова на реке. Дружинники споро выпрыгнули и зайдя по пояс в воду, ухватили за борта и вывели на сушу третью лодку. Величественный муж с длинной бородой и схваченными железным обручем буйными кудрями ступил на землю. Следом из лодки выбралась невысокая улыбчивая женщина в расшитой рубахе до пят и с таким же обручем поверх туго закрученной косы. Обняв женщину за талию, властитель повел жену по уводящей вглубь острова широкой тропе. Стража неслышно скользила впереди и сзади, зорко вглядываясь в сплетение ветвей. Они вышли на круглую открытую поляну...

– Катигорошек, мальчик мой! – радостно вскричала немолодая женщина в ярком ягодном венке на поседевших черных косах.

– Мама! – он шагнул навстречу: исчез великий властитель и радуясь возможности хоть на миг почувствовать себя мальчишкой, Катигорошек ткнулся лбом матери в плечо – хоть для этого ему и пришлось согнуться вдвое.

– Пеночка, любушка! – мать улыбнулась стоящей позади Катигорошка женщине.

– Матушка! – поклонилась та и с любопытством спросила. – А это кто?

Мать обернулась на чернокосую и зеленоглазую девчонку, без всякого стеснения и робости разглядывающую властителей здешней земли.

– Не помните? Родня наша дальняя, сестры моей, твоей, Катигорошек, тетки внука! Вот, взяла к себе в науку: мне тут уже тяжело, помощница нужна.

– И правильно взяла, теперь помощь еще больше понадобится! – воодушевленно воскликнул Катигорошек. – Мы все привезли! Камень и мастеров! Мы поставим здесь стоячие камни, и каменные круги – это будет самое великолепное, самое огромное Капище во всем нашем мире!

У обеих женщин одинаково дрогнули в улыбке губы, и они посмотрели на возбужденного мужчину с одинаковой любовной снисходительностью.

– А как же Змеево Капище? – усмехнулась мать.

– Не мной ставлено, не мне и рушить. – помрачнел Катигорошек. – Велел только вытесать там на камнях голову змееву под пятой человечесьей.⁴ А здесь, на острове, мы поставим настоящее человечесье капище! – он широко раскинул руки. – Алтарь Макоши Матушке сделаем, и Симарглу Псу, что пляшет перед ростками и... и дядьке Сваргу!

– Сваргу? – хором удивились обе женщины.

– Разве он не заслужил? Разве не он нашел камень-с-неба да расплавил его, а потом и в земле нашей железо отыскал? Не он научил нас ковать ножи да мотыги? Кому кланяться за то, что есть у нас оружие, себя защитить ежели змеи нападут? – он положил ладонь на рукоять меча у пояса, с пальцев скакнула и затрещала коротенькая молния. – Пусть они сейчас и не нападают... хоть так и не понял я, почему... – уже под нос себе буркнул он. – Но нам есть чем встретить крылатых гадов. Алтарь Сваргу-Кузнецу!

– Разве ж я против? – успокаивающе закивала мать.

– Властителю нашему, метателю перунов, победителю змееву, тоже алтарь! – с трудом протискиваясь по тропинке, пропыхтел потолстевший чуть не вдвое бывший змеев слуга.

– Чешуйню-то... то есть, чепуху не городи! – буркнул Катигорошек. Вокруг железного обруча на его челе заплясали мелкие злые молнии. – Потом подумаем, кому еще! Плоты с камнями причаляли? Я туда – хочу глянуть как начнут разгрузку. Идешь, Пеночка?

– Ты иди, я догоню. – кивнула ему жена.

Женщины с улыбкой глядели вслед вышагивающему по тропе сыну и мужу, и переваливающемуся следом пыхтящему слуге.

– Матушка... – женщина запнулась, мгновение подумала и наконец решилась. – Я хотела попросить тебя...

– И просить не нужно, невестушка. – мать махнула рукой. – Чтоб там Катигорошек не думал, я поставлю тут алтарь Велесу, Первому Змею, твоему отцу. Не печалься, змеица.

⁴ Есть на Каменной Могиле такой петроглиф (рисунок на камне)

Как на Велесовой на улице...

*Володимир-князь же посади Добрыню в Новгороде,
и пришед Добрыня в Новгород и постави кумира над рекою...*

Повесть временных лет

Жил-то Добрыня на Ново-городе...

Захотелось Добрынюшке по городу пройти,

Да взял-то он свой тугой лук,

Тугой лук да калену́ стрелу...

Из былины «Добрыня Никитич и Маринка Кайдаловна»

Стрела влетела в окно, прошла узорчатый ковер и впилась в стену. Внутри дохнуло пожарищем, бушующим на улицах новгородских. Плотнo, дощечка к дощечке, уложенное лемешное покрытие крыши еще только тлело, отчаянно сопротивляясь пламени, но это уже было все равно – удары тараном в низкую, оббитую железом дверь прекратились, наступила краткая тишина и... бах! Бах! Бах! Теперь били четко, в стык косяка и засова. Толстенная железная полоса с каждым ударом выгибалась все сильнее... и лопнула, звонко, как перетянутая струна на гусях. Дверь с грохотом рухнула внутрь, в терем ворвался запах гари и истошные крики убиваемых на подворье кметей. Согнувшись чуть не вдвое, громадная фигура полезла в низенькую дверь...

Бамс! – тяжелый чугунный котелок с маху опустился прищельцу на макушку.

– Вон пошел! – закричал пронзительный женский голос. – Вон, пес вонючий, из моего дома!

– Закрой свой грязный рот, змейская подстилка! – взмахнула рука в кольчужной рукавице и девушка с криком отлетела прочь. Только что держащаяся за макушку «фигура» резко, как пружина, выпрямилась... и ткнулась наверху шелома под самый потолок. Прищелец оказался высоченным, широкоплечим молодым мужчиной – круглое лицо обрамляла небольшая борода. То ли отсвет пожара, то ли огонь ярости окрасил его щеки алым румянцем. Хватаясь за меч, мужчина шагнул к распростертой на полу девушке...

– Ужели пестуны учили тебя на чужое подворье аки тать вламываться да девок мечом пластать, Добрыня, мальчик мой? – сквозь клубящийся по терему дым на лестнице в верхнее жите проступила вторая фигура – тож мужская. Этот второй был хоть и высок, но тонок и гибок, как хлыст, да и плечами поуже, и облекала те плечи не кольчуга, а богатая узорчатая рубаха, а длинные, черные с багряными прядями волосы стягивал кожаный ремешок. Но почему-то не возникало и мысли, что стоящий на лестнице хозяин хоть в чем слабее прищельца.

– Он не твой и ужо не мальчик, всяко в жизни его бывало. – раздался резкий женский голос. Подбирая край поневы, через порог вступила высокая – чуть не вровень с мужчинами – баба. Лицо ее было белым и гладким, как у девушки, но уверенный и властный взгляд обрамленных длинными ресницами глаз не оставлял сомнений, что за плечами у нее изрядная жизнь, а волосы, спрятанные под повойником, столь же изрядно тронуты сединой.

– Приветствую тебя, Амелфа Тимофеевна, супруга моя и мать моего сына! – чуть склонил голову стоящий на лестнице.

– Я тебе не сын! У меня есть отец! Я – Добрыня Никитич! – выкрикнул молодой, снова хватаясь за меч.

– Лучше быть единой женой честного боярина, чем трехдюжинной змея-Велеса. – поджав губы, бросила Амелфа Тимофеевна.

– Слишком высоко ставишь ты мою мощь, супруга моя – всего лишь семнадцатой. – глаза змея насмешливо блеснули.

– А ты не сильно печалился, когда сынок меня увез – быстро себе осьмнадцатую нашел! – мгновенно теряя ледяное свое самообладание, прошипела Амелфа, и лицо ее стало вдруг совсем юным, а глаза вспыхнули шальным огнем.

– Надо было догнать – ты все также хороша, вовсе не изменилась. – теперь змей уже улыбался, а женщина вдруг покраснелась и потупилась.

– Не пытайся снова обольстить мою мать, она – боярыня киевская и до твоих сладких речей ей дела нет, тварь нелюдская! – загораживая мать плечом шагнул вперед Добрыня. – Я, Добрыня Никитич, посадник великого князя Киевского Владимира Красно Солнышко, говорю тебе – кончилась твоя власть! Новгород принадлежит Владимиру!

– Улицу тоже переименуете? – невозмутимо поинтересовался змей.

– Какую... улицу?

– Так Велесову. – напомнил змей. – Во Владимирскую, полагаю? Хотя если город принадлежит ему... – змей чуть наклонился, заглядывая сквозь окошко, от которого остался лишь узорчатый переплет. – Чего ж твои дружинники истребляют жителей, а, посадник Добрыня Велесович? Прости, Никитич, конечно же, Никитич!

– Эти глупцы осмелились воспротивиться, когда мы сбросили в реку твой кумир, скотий, торгашеский бог, и поставили на его место нашего, дружинного, Повелителя Грозы Перуна!

– И верно, глупые людишки – хотят богатства и блага себе, а не князю со дружиною. – губы Велеса растянулись в тонкой змеиной усмешке, от которой вся кровь бросилась в лицо Добрыне. – Бог Перун? – продолжал Велес. – Надо же... а казался таким милым юношей...

– Я тебя не юноша!

– Да я вовсе и не о тебе, мальчик мой. – Велес глянул удивленно. – Ты мне по сю пору младенец, которого я на хвосте качал, и биться с тобой али другими моими детьми я не желаю.

– Правду баишь, много нас там качалось. Хвост был не маленький, так ведь и детей у тебя не мало – от всех-то жен.

– Ты ревнуешь, малыш? Что другие стали змеями, а ты – нет? – на лице змея отразилось искреннее сожаление. – Прости... Твоя мать слишком хороша и я не смог устоять, но любви меж нами так и не сложилось. – он развел руками.

– Я б тебя любила, кабы одна была супружница, от одной меня змееныши твои родились! – выкрикнула Амелфа Тимофеевна. – А ты меня, честную боярскую дочь, привел до своих... вроде этой Маринки! – она кивнула на девушку – зажимая ладонью разбитую скулу, та копошилась под лестницей.

– Княжон, царевен и королевичн. – пробормотал себе под нос змей, перегнулся через резные перильца и в один мах втащил девушку наверх. Обхватил за талию, поддерживая. Глаза Амелфы сделались как у бешеной лисы.

– Мне мерзостно подумать даже, стать гадиной, как ты! – выкрикнул Добрыня. – Так же жрать в три горла, будто три у тебя головы, а не одна, люд честной полонить да на себя работать заставлять, грабить, под хвост себе все грести!

– Полагаешь, ваш людской князь чем-нито лучше меня – если забыть, конечно, об отсутствии у него хвоста? Говорят, по количеству жен он меня уже превзошел – даже у меня не было трех сотен за раз. – змей подумал и добавил. – И за всю жизнь не было. Сейчас ты мой кумир с горы в реку кидаешь, а найдет твой князь себе нового бога – Перуна тож кинешь и свой город наново сожжешь, посадник?

– Плевать мне с горы, как он станет править! И на богов – плевать! Он – человек, а ты – нелюдь! – сжал кулаки Добрыня. – Мы, люди, в вас, нелюдях, более не нуждаемся!

– Надо же, люди... И пяти тысяч лет не прошло с тех пор как соседнее племя они и вовсе за людей не считали. – вздохнул змей и вдруг показался не молодым и полным сил, а

бесконечно древним, будто все те тысячи лет разом обрушились ему на плечи. – Что ж ты со мной, нелюдь, разговариваешь?

– А зубы тебе заговариваю, прежде чем убить! – выкрикнул Добрыня, лихо потряхнув кудрями, такими же темными, как у змея.

– Добрынюшка! – предостерегающе вскричала мать.

Из горла змея вырвался лютый рык – будто камнепад сошел в горах. Велес поднял голову... по щеке его, будто слеза, побежала полоска чешуи, зрачок стянулся в зловещую золотую полоску, а радужка налилась багровым пламенем.

– Остерегись, сын мой Добрыня! – рыкнул змей. – Желания биться с родной кровью у меня нет, а вот воля... глядишь, и найдется. Хошь ты, Добрыня, я тебя землей завалю, хошь, Добрыня, я тебя огнем сожгу, а хошь, Добрыня, я тебя водой затоплю...

– Хороша твоя новая песнь, батюшка мой кровный, Велес-змей. На твоей тризне ее и споем! – сквозь зубы процедил Добрыня и... пронзительно свистнул.

Протяжное гудение разрезаемого воздуха заставило всех вскинуть головы к потолку... Змей начал преображаться, облик его поплыл, над еще человеческими плечами взметнулась голова, увенчанная царственным гребнем... Добрыня сгреб мать в охапку и кинулся за порог.

Потолок рухнул. Сквозь рушащиеся бревна с грохотом провалился громадный бугристый валун – и врезался в чешуйчатую спину радужного змея, заставив того судорожно прогнуться и взреветь от боли. Камнемет под стенами терема закрипел, дернулся – и метнул еще один валун вдогонку первому. Воздух загудел. Девушка присела на корточки, закрывая голову руками и отчаянно визжа. Змей шарахнулся в сторону, его когти вспороли половицы, выворачивая целные доски. Врезался в стену – та содрогнулась, бревна полетели во все стороны как сухая щепка. Ревущий змей вывалился на горящее подворье – в хвосте, замотанную в два оборота, он волок сомлевшую девицу.

Широко расставив ноги, Добрыня стоял в стенном проломе – и в руках его был туго натянутый лук.

– Аррр! – змей ринулся на него, распахнув пасть – в глотке его вскипал огонь.

– Банг! – звучно пропел лук и стрела сорвалась в полет.

– Клац! – змей поймал стрелу зубами, точно пес – муху. Толстенная стрела хрустнула в громадных зубах как мелкая хвоинка... и вспыхнула: невероятно жарким, бездымным пламенем! Змей раззявил пасть и взревел от лютой боли.

– Еще! Стреляй еще, Добрынюшка! – завизжала Амелфа, протягивая сыну вторую стрелу.

Змей тряс головой и ревел. Перекушенная стрела валялась на земле – среди грязи, крови и мертвых тел – но пасть змея продолжала пылать! Добрыня пустил вторую стрелу. Змей тяжело хлопнул крыльями и взлетел. Стрела скользнула под самым его хвостом, насквозь прошив подол и развевающиеся на ветру светлые волосы замотанной в хвост девушки, и воткнулась в стену. Терем вспыхнул весь, разом, до самой маковки, до жестяного флюгерка в виде смешного дракончика. Тяжело работая крыльями, настоящий змей-дракон поднимался все выше и выше.

– Бейте, братья мои, пришло наше время! – звучный голос Добрыни поднялся над пожаром... и еще девять таких же огромных, закованных в кольчуги всадников на тяжеловесных скакунах выехали из заполненных воплями переулков. Девять тяжелых луков согнулись, девять стрел задрожали на тетивах... и сорвались в полет. И запылали, пронзая воздух. Девять горящих стрел, схожих на молнии, взвились от земли к небу. Девять пылающих стрел ринулись к поднимающемуся все выше змею.

Велес метнулся вправо – стрела чиркнула чешуйчатый бок, завертелась и пошла вниз. Меж старых изб окраины вспыхнуло пламя, закричали люди. Змей кинулся влево, чудом разминувшись со второй стрелой. Нырнул и тут же взмыл вверх – еще три стрелы канули куда-то,

не причинив вреда – и выдохнул струю воды навстречу следующей... Стрела прошла сквозь водную завесу и продолжая пылать, вонзилась меж чешуйками на горле. Банг! Банг! – еще две впились в бока и змей взревел, изгибаясь так, что гребень его почти коснулся хвоста и... банг! Последняя стрела впилась у основания хвоста, словно вгрызаясь огненным жалом под чешую. Вопль змея был страшен – он срывал крылья и уносил листву с дерев. Змей забился в воздухе, кончик его хвоста разжался и... пронзительно визжа, девушка полетела к земле. Следом, крутясь и переворачиваясь в воздухе, падал змей...

– Эк! – радужный змей вдруг завис над острым железным шпилем, готовым вонзиться ему в брюхо. Запрокинул голову, устремив затуманенный от боли взгляд в вышину. – Грэйл?

– Как же тебя... угораздило? – прохрипел второй змей, чуть поменьше, с коричневой, будто старый камень, чешуей. Натужно работая крыльями, пошел вверх, унося Велеса в намертво сомкнувшихся могучих когтях.

– Калены стрелы... у них были стрелы... из щепы от Калинова моста... – простонал Велес и вдруг содрогнулся всем телом. – Девушка, Грэйл! Я ее уронил... Девушка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.